Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература: изучение и преподавание № 1 (1) 2020

Главный редактор

Л.П. Клобукова, д.п.н., профессор, член-корреспондент РАО, академик МАНПО, зав. кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова

Редакционная коллегия

И.Б. Авдеева, д.п.н., профессор, действительный член Петровской Академии наук и искусств, МАДИ
Э.Г. Азимов, д.п.н., профессор, ГИРЯ имени А.С. Пушкина
Е.Л. Бархударова, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова
С.И. Богданов, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАО, ректор, РГПУ имени А.И. Герцена
Л.Д. Бугаева, д.ф.н., доцент, СПбГУ
А.Н. Варламов, д.ф.н., профессор, ректор, Литературный институт имени А.М. Горького
Е.Н. Виноградова, к.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова
С.А. Вишняков, д.п.н., профессор, член-корреспондент МАНПО, зав. кафедрой, МПГУ
В.А. Воропаев, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова
М.М. Голубков, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова
А.Д. Дейкина, д.п.н., профессор, МПГУ
Л.А. Дунаева, д.п.н., профессор, зам. декана, МГУ имени М.В. Ломоносова
Е.И. Зиновьева, д.ф.н., профессор, СПбГУ
В.Б. Катаев, д.ф.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова
А.В. Коротышев, к.п.н., директор секретариата РОПРЯЛ, МАПРЯЛ, руководитель Центра социолингвистических исследований РУДН
В.В. Красных, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова
Е.А. Кузьминова, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова
О.В. Макарова, к.п.н., преподаватель, МГУ имени М.В. Ломоносова
Ю.Б. Мартыненко, к.ф.н., доцент, МПГУ
Л.В. Московкин, д.п.н., профессор, почетный работник сферы образования РФ, СПбГУ
Н.В. Поморцева, д.п.н., профессор, декан, РУДН
Т.И. Попова, д.ф.н., профессор, и.о. зав. кафедрой, СПбГУ
Н.Б. Самсонов, к.ф.н., доцент, зав. кафедрой, директор Ресурсного центра русского языка, МГОУ
И.Н. Сухих, д.ф.н., профессор, СПбГУ
М.Ю. Федосюк, д.ф.н., профессор, МГУ имени М. В. Ломоносова
Е.А. Филатова, к.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова
Е.А. Хамраева, д.п.н., профессор, зав. кафедрой, МПГУ, директор межвузовского центра билингвального и поликультурного образования, РГПУ имени А.И. Герцена
Е.А. Чернышенко, к.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова
Т.В. Шмелева, д.ф.н., профессор, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Д.А. Щукина, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой, Санкт-Петербургский горный институт
И.И. Яценко, к.п.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова

Содержание

Т.В. Шмелева. *Исследование русского языка: нерешенные задачи и новые перспективы* 3

М.В. Всеволодова. *Лексика и грамматика, или лексика в грамматике* 7

Г.И. Панова. *О стратификации морфологических единиц и явлений в грамматическом строе русского языка* ……16

Е.И. Зиновьева. *Русская национальная идентичность в лингвокультурографическом фокусе (на материале прилагательных, номинирующих черты личности человека)* 23

Б.В. Соколов. *Как белая «кавалерист-девица» превратилась в красную. О неожиданных прототипах главной героини повести Алексея Толстого «Гадюка»* 27

М.К. Лопачева. *Полисиндетон как средство достижения эмфазы в эмигрантской лирике Георгия Иванова* 32

А.Г. Матюшенко. *Анализ лексики стихотворного текста в практике преподавания РКИ («Утёс» М.Ю. Лермонтова)* 37

В.В. Добровольская. *Грамматическое задание: методика составления и выполнения* 43

С.И. Кормилов. *Рецензия на книгу: Давыдова Т.Т. Замятинская энциклопедия. М.: Флинта,2018. 744 с.* 47

С.А. Вишняков, Ю.Б. Мартыненко. *Международная научно-практическая конференция «Современная парадигма преподавания и изучения русского языка как иностранного»* 51

Л. В. Красильникова. *VII Международная научно-практическая конференция «Текст: проблемы и перспективы. аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» (28–30 ноября 2019)*……..52

Н.Б. Самсонов. *Светлой памяти Павла Александровича Леканта - большого ученого и замечательного человека* 54

Адрес редакции:
В Москве: 115035 г. Москва, Космодамианская набережная д.26/55, стр.7
e-mail: professor_rll@mail.ru

Учредитель
Общероссийская общественная организация «Российское профессорское собрание»
(115035, г. Москва, Космодамианская набережная 26/55, стр. 7)

Издатель
Общероссийская общественная организация «Российское профессорское собрание» (115035 г. Москва, Космодамианская набережная д.26/55, стр.7)

Дорогие исследователи и преподаватели русского языка
и русской литературы!

Я рад приветствовать вас на страницах нового печатного периодического издания «Профессорский журнал. Серия “Русский язык и литература: изучение и преподавание”».

Миссия журнала видится мне в укреплении позиций русского языка в России и за рубежом, а также в распространении ценностей русской культуры в стремительно меняющемся современном мире.

Очень надеюсь, что новый журнал станет востребованной научной площадкой для обсуждения актуальных теоретических и практических проблем русистики.

Желаю вам творческих успехов, ярких научных открытий, а также заинтересованных читателей и увлеченных учеников!

В добрый путь!

Председатель Российского профессорского собрания
член-корреспондент РАО,
доктор юридических наук, профессор
Владислав Валерьевич Гриб

Глубокоуважаемые коллеги! Дорогие друзья!

Я с большим удовольствием представляю вам новую серию Профессорского журнала - «Русский язык и литература: изучение и преподавание». Верю, что наш журнал станет достойным местом эффективного научного общения профессионалов в области изучения, а также теории и методики преподавания русской литературы и русского языка как родного, неродного и иностранного.

Приглашаю вас присылать статьи для публикации в журнале, поднимать в них актуальные вопросы русистики, делиться открытиями в сфере наших общих профессиональных интересов!

Попутного ветра и 7 футов под килем нашему новому филологическому кораблю!

Главный редактор
член-корреспондент РАО,
доктор педагогических наук, профессор
Любовь Павловна Клобукова

DOI: 10.18572/2687-0339-2020-1-3-6

ИССЛЕДОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА: НЕРЕШЕННЫЕ ЗАДАЧИ И НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ[1]

Т. В. Шмелева
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, 173003, Великий Новгород, Россия
E-mail: *szmiel@mail.ru*

В статье излагаются соображения о современном состоянии науки о русском языке. Подчеркнуты ее важнейшие достижения – расширение представлений о языке, выход за пределы литературного языка, с одной стороны, и дифференциация русистики относительно сфер общения, с другой (политическая лингвистика, медиалингвистика, юрислингвистика). Уделяется внимание ряду нерешенных задач (семантика, теория текста, речеведение). При этом подчеркнуто наличие новых перспектив, связанных с компьютерными технологиями, корпусными исследованиями, электронными библиотеками.

Ключевые слова*: русский язык, семантика, текст, речеведение, компьютерные технологии.*

Обсуждение состояния науки о русском языке, главным образом представленной работами вузовских ученых, кажется важной частью лингвистической рефлексии и методологического осмысления ее результатов и перспектив.

Прежде всего необходимо отметить, что наука о русском языке XXI века существенно отличается от того, что было в ней в середине прошлого столетия, когда преимущество отдавалось художественным текстам, написанным авторитетными авторами, как тогда говорилось, мастерами слова. Сегодня русистика стремится к пониманию и описанию всех фактов, характеризующих функционирование русского языка, при этом написанное и сказанное уравнено в правах, а художественное слово изучается наравне с разными другими текстами. Иначе говоря, если в середине прошлого века основные усилия русистов были сосредоточены на описании литературного языка, а выход за его пределы осуществляла только диалектология, то теперь ведется активное изучение языка города, социолектов, диалектов, языка отдельной личности.

Наиболее заметно в этом отношении продвинулась лексикография. Значительны достижения диалектной лексикографии, в рамках которой описаны русские диалекты широкого территориального распространения, в частности, систематичностью и разнообразием словарей отличается Томская диалектологическая школа, особенного внимания заслуживает их словарь диалектной языковой личности [Полный 2006]. Продвинулась лексикография школьного и молодежного сленга, городского сленга [Никитина 2009; 2013; Никитина, Рогалева 2006; 2011].

Кроме того, следует обратить внимание на крупные проекты. Так, изучение словесной культуры – советской и настоящей – осуществляет А.П. Романенко со своими аспирантами и некоторыми коллегами [Романенко 2000; 2007; 2008]. «Естественную письменную речь» изучают в школе Н.Б. Лебедевой, где исследуются тексты повседневного общения – письма, записки на полях, поздравительные открытки, народные мемуары, студенческие граффити, ежедневники, книга отзывов и предложений, ценники [Лебедева 2016]. Функционирование русского языка в интернете привлекает внимание русистов, и мы уже располагаем рядом монографий [Сидорова 2006; Кузнецова 2009] и более 1000 статей в журналах и материалах конференций.

Итак, первое отличие современных исследований русского языка состоит в расширении представлений о его функционировании, что делает русистику более реалистичной, отвечающей изменениям общественно-языковой практики.

Второе важное качественное изменение русистики состоит в ее дифференциации относительно сфер общения (речи, коммуникации), в результате чего сформировались ее «сферные» версии – по-

1 Основу статьи составил доклад на VI Международном конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 20 марта 2019 г.)

литическая лингвистика, юрислингвистика, медиалингвистика. Их институализация подкреплена наличием специальных журналов – «Политическая лингвистика» (http://journals.uspu.ru/index.php?option=com_content&view=categories&id=8&Itemid=103, главный редактор А.П. Чудинов), «Медиалингвистика» (https://medialing.ru, главный редактор Л.Р. Дускаева), конференций, завоеван авторитет в судебной практике. Безусловно, эта дифференциация – позитивный процесс, он отвечает запросам усложнившейся общественно-языковой практики, но в нем видится и опасность автономизации «сферных» лингвистик, утраты общности методологического подхода, рассогласования терминологических систем и потери общего представления о русском языке, хоть и различающимся в разных сферах, но все-таки остающийся единым языком. Очевидна необходимость изучения языковых явлений в рамках стратегий кросс-сферных исследований.

В целом когда читаешь названия новых публикаций, иногда возникает такое впечатление, что в русистике присутствует ощущение исчерпанности объекта, и новые исследователи устремляются или в сопоставление русского языка с другими – европейскими и языками народов нашей страны; или в поиск экстралингвистической информации, которую можно извлечь из данных языка – на этом строятся когнитивистика, лингвокультурология (о связанных с ней тревогах в плоскости лженауки см. в [Березович 2018]).

Между тем в русистике не решен ряд серьезных задач. Под нерешенностью задач имеются в виду отсутствие четко выраженных общепринятых знаний, которые были бы введены в практику вузовского и школьного преподавания с тем, чтобы они стали достоянием широких кругов профессионалов и заинтересованных носителей русского языка.

Во-первых, не решена задача семантического изучения и описания русского языка. «Семантический бум» 1970-х годов сошел на нет, семантические исследования ушли из круга привлекательных и модных. Результаты «бума» можно разглядеть под микроскопом. А тогда [Шведова 1973; Арутюнова 1976] казалось, что русистика вот-вот будет совсем другой – семантической. Инерция преподавания языка, привычка воспроизводить известное победили смелые интенции и не дали изменить практику преподавания русского языка вузе и школе, где мы находимся на уровне середины позапрошлого века. С этим, надо полагать, связан и дефицит новых грамматических идей, о чем уже не раз говорилось.

Во-вторых, не решена задача изучения текста и введения знаний о нем в лингводидактику.«Текстовый бум» тех же 1970-х, радость отзнакомства с зарубежными работами о тексте [Новое 1978] тоже дали минимальные результаты. Грамматика текста не входит в число модных диссертационных тем, не обсуждается в вузовских курсах и тем более не проникает в школьное образование. Это тем более огорчительно, что реальная языковая задача, которая стоит перед людьми разных профессий, – это создавать тексты, а именно этому мы не учим. Попытка введения знаний о тексте в учебник современного русского языка [Современный 2014] не получила поддержки.

В-третьих, не решена задача формирования речеведения, о котором вдруг заговорили в 1990-е, когда наше общество обнаружило свое косноязычие. Оказалось, что и лингвисты не способны помочь: мы располагаем детальнейшими знаниями об устройстве языка, которые недостаточны для понимания речи, ее основных пружин и их действия. Легкое возбуждение, повторение слов *речеведение*, *поворот к речи* – и всё осталось, как было. Круг понятий, в которых можно изучать и описывать речь, был предложен [Речеведение 1996; Шмелева 1997; 2004], но не встретил широкой поддержки.

Не изменило ситуации принципиально и обращение к риторике. Сегодня изучена история русской риторики, но не создано новой риторики. Опыт показывает, что риторика позапрошлого века не отвечает запросам современного публичного общения, современного языкового вкуса. Приравнять речеведение к риторике оказалось не так просто, подход к речеведению как к стилистике сужает его горизонты. А востребованность знаний о речи не убывает, напротив, смедиатизацией общества всё большее число людей вовлекается в активную речевую деятельность, обнаруживая при этом не только незнание правописания (о чем говорится много и даже слишком много), но и неумение создать текст, соответствующий условиям коммуникации.

Из всех речеведческих проблем наибольшее внимание русистов получила проблема жанра, результат – формирование жанроведения (генристики) как речеведческой дисциплины, которая располагает сегодня собственным журналом «Жанры речи» (http://zhanry-rechi.sgu.ru; главный редактор В.В. Дементьев). Однако считать, что этим, например, созданием энциклопедии русских речевых жанров, решены задачи исследований в этом направлении, было бы поспешно.

Нерешенность этих трех задач (а их наверняка больше) тормозит движение русистики к подлинной реалистичности в понимании языка и речевой деятельности, понижает общественную ценность лингвистических знаний. Между тем

очевидно, что в вузовской науке о русском языке XXI века открываются новые перспективы, прежде всего связанные с развитием компьютерных технологий.

Прежде всего современные технологии позволяют общаться практически синхронно, обмениваться идеями, что создает общее информативное поле. Незаменимым источником сведений о публикациях о русском языке стал РИНЦ и его электронная библиотека (https://elibrary.ru), поисковые запросы на которой в секунды предъявляют публикации последних лет по интересующему нас тегу. Поиск литературы, соотношение позиций разных исследователей сегодня занимает совсем другое время, чем в докомпьютерную эпоху. Кардинально изменился и процесс поиска языкового материала с обращением к данным корпусов, в первую очередь Национального корпуса русского языка (НКРЯ, http://www.ruscorpora.ru), Генерального Интернет-Корпуса Русского Языка (ГИКРЯ, www.webcorpora.ru), а также обращение к специальным базам данных, например, «Ойконимы России» [Бурыкин 2010]. Благодаря таким ресурсам процесс лингвистического исследования существенно ускоряется. Правда, технологизация лингвистических исследований создает иногда соблазн быстрых, а на поверку неглубоких описаний, где массивы предъявляемых фактов не могут скрыть бедность и тривиальность лингвистической мысли.

Важной кажется перспектива оцифровать классические работы о русском языке и создать сайт «Классическая русистика», потому как сейчас есть риск оставить классические работы за пределами внимания молодых лингвистов, и они вынуждены будут «изобретать велосипеды». Классические лингвистические идеи нуждаются в современном предъявлении и осмыслении.

Наконец, стоит сказать, что современные технологии позволяют объединять лингвистические силы и создавать крупные исследовательские проекты с большим числом участников. Однако очевидно, что для этого нужны масштабные и привлекательные, действительно объединяющие идеи. Межвузовские гранты, коллективные монографии, словари и грамматики – вот жанры, соответствующие современным возможностям. При этом важна установка на создание фрагментарных и адресно-ориентированных описаний, в том числе описаний, обращенных к грамматической стороне языка.

Завершая рассмотрение задач и перспектив изучения русского языка, следует отметить, что предложенные соображения ни в коем случае не исчерпывают проблем современной отечественной лингвистики, но, как хочется надеяться, привлекут внимание коллег к этой стороне методологических размышлений о нашей науке. Без этого невозможно ни дальнейшее эффективное развитие науки, ни решение многих вопросов повседневной вузовской научной жизни, например, определение тем выпускных квалификационных работ в бакалавриате и магистратуре и кандидатских диссертаций, планирование научной работы и др.

Литература

1.Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
2.Березович Е.Л. Псевдонаучные построения в современной лингвокультурологии // Четвёртые Моисеевские чтения: национальные и региональные особенности языка: в 2 ч. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Оренбург, Оренбургский гос. пед. университет, 22–24 ноября 2018 г. / сост. и науч. ред. П.А. Якимов. – Оренбург: «Издательство “Оренбургская книга”», 2018. С.132–138.
3.Бурыкин А.А. О новых аспектах, новых задачах и новых возможностях изучения ойконимов (к созданию электронной базы данных «Ойконимы России») // Язык и традиционная культура Русского Северо-Запада. Сборник статей памяти Лидии Яковлевны Петровой / редкол. В.Л. Васильев (редактор-составитель), А.В. Жуков, Н.Н. Вихрова; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2010. С. 108–116.
4.Кузнецова Н.В. Русская речь в интернет-форуме: структура и стилистика текста / под ред. О.В. Трофимовой. Тюмень: Мандр и К^{а}, 2009. 296 с.
5.Лебедева Н.Б. Естественная письменная речь: история изучения, направления поисков, итоги и перспективы // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты: Сборник научных трудов. Н.Б. Лебедева – науч. ред.; Т.Г. Рабенко – ответ. ред.; Э.С. Денисова – отв. за выпуск; О.А. Булгакова – отв. за выпуск. Кемерово, 2016. С. 9–17.
6.Никитина Т.Г. Молодежный сленг: толковый словарь: около 20 000 слов и фразеологизмов. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ: Астрель, 2009. 1102 с.
7.Никитина Т.Г. Ключевые концепты молодежной культуры: тематический словарь сленга. СПб: «Дмитрий Буланин», 2013. 864 с.
8.Никитина Т.Г., Рогалева Е.И. Региональный словарь сленга (Псков и Псковская область). М.: Изда-

тельство «Элпис», 2006. 384 с.
9.Никитина Т.Г., Рогалева Е.И. Молодежный лексикон г. Пскова. Толковый словарь. Материалы 2001–2011 гг. Псков: Издательство «ЛОГОС Плюс», 2011. 204 с.
10.Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / Сост., общая ред. и вступит. статья Т.М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. 478 с.
11. Полный словарь диалектной языковой личности / Авт.-сост. О.И. Гордеева, Л.Г. Гынгазова, Е.В. Иван- цова и др.; Под ред. Е.В. Иванцовой. Томск, 2006. Т. 1. А–З. 358 с.
12.Речеведение: теоретические и прикладные аспекты / Сост. Т.В. Шмелева; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Новгород, 1996. 20 с.
13.Романенко А.П. Советская словесная культура: образ ритора. Саратов: Издательство Саратовского ун-та, 2000. 240 с.
14.Романенко А.П. Особенности современной словесной культуры // Язык в движении: к 70-летию Л.П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 506–519.
15.Романенко А.П. Советская герменевтика. Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. 166 с.
16.Сидорова М.Ю. Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение. М.: «1989.ру», 2006. 200 с.
17. Современный русский язык; Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / под ред. Л.Р. Дускаевой. СПб: Питер, 2014. С. 324–335.
18. Шведова Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов (Варшава, август 1973 г.). Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973. С. 458–483.
19. Шмелева Т.В. Речеведение: в поисках теории // Stylistyka VI. Opole, 1997. S. 301–313.
20. Шмелева Т.В. Речеведение в современной русистике // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы II Международного конгресса исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филол. фак., 18–24 марта 2004 г.) / сост. М.Л. Ремнева, О.В. Дедова, А.А. Поликарпов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 29–30.

THE STUDY OF RUSSIAN LANGUAGE: CHALLENGES AND NEW PROSPECTS

Tatyana Shmeleva
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Bol'shaya Sankt-Peterburgskaya, 41, 173003, Novgorod-the-Great, Russia
E-mail: *szmiel@mail.ru*

The article presents the views on the current state of the science of the Russian language. Highlighted its key achievements – the extension of the notions of language within the literary language, on one hand, and differentiation of Russian studies concerning the areas of communication, on the other (political linguistics, media linguistics, jurilinguistic). Attention is paid to a number of unsolved problems (semantics, text theory, speech). At the same time, the presence of new prospects related to computer technologies, case studies, electronic libraries was emphasized.

Key words: *Russian language, semantics, text, speech, computer technologies.*

DOI: 10.18572/2687-0339-2020-1-7-15

ЛЕКСИКА И ГРАММАТИКА, ИЛИ ЛЕКСИКА В ГРАММАТИКЕ

М.В. Всеволодова
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991, Москва, Россия
E-mail: *mayya133@mail.ru*

В статье представлен материал, связанный с функционированием лексики в синтаксических структурах, то есть в тексте, и с некоторыми проблемами морфологического уровня, выявленный в ходе описания русского языка как иностранного. Автор характеризует уровень современной лингвистики, отмечая, что в настоящее время сформировался новый взгляд на лингвистику как науку, что позволяет взглянуть на язык по-новому: учитывать динамику языкового функционирования, использовать понятия поля, категории и множества и др. Основное внимание уделяется лексической и грамматической парадигматике служебных слов русского языка.

Ключевые слова: *структура языка, функционирование языковых единиц, служебные слова, категории и парадигмы, предложные единицы.*

1. Уровень современной лингвистики. С 1980 г. у нас нет ни одной грамматики, в которой был бы представлен современный уровень понимания языка лингвистами, а за прошедшие десятилетия выявлены новые по сравнению с традиционной грамматикой характеристики языка, с одной стороны, и очень много языковых фактов, не отмеченных ни в грамматиках, ни в словарях, с другой. Сформировался принципиально новый взгляд на структуру самой лингвистики, как науки. Формат статьи не позволяет представить нужный материал во всей полноте. Мы ограничимся представлением некоторых фактов и явлений, выявленных в функционально-коммуникативной дидактико-лингвистической модели языка (термин Ю.В. Рождественского), сформировавшейся за десятилетия преподавания и описания русского языка как иностранного, но названной преподавателями кафедры РКИ функциональной еще в 1951 г. Представим основные положения нашего подхода.

1.1. Традиционная грамматика представляет язык и языковые единицы в его статике. А язык – это средство нашего общения, и нам необходимо знать, как эти единицы ведут себя в движении, в динамике, то есть как они функционируют. Первым на эту проблему в теории вышел в 40-е гг. чешский русист В. Матезиус, представивший категорию актуального членения (см. [Ковтунова 1976]), хотя некоторые аспекты данной категории, а главное, ее механизмы были известны русистам еще до нашего знакомства с этой теорией [Брызгунова 1973, Кацнельсон 1972, Лекант 1974]. Теперь мы знаем многие и очень актуальные для объяснения инофонам, и специфические для славянских языков (в частности, русского) явления. И именно анализ языковых единиц в связи с использованием языка как средства общения выявляет принципиально новые факты и явления наших языковых единиц, в том числе лексики.

1.2. Современная лингвистика показала, что язык, с одной стороны, – единица мироздания, основными структурами которой являются поля и множества дискретных единиц (ср., например, звезды, планеты и астероиды), пересекающиеся между собой, а с другой, – способ объективации нашего мышления, основными единицами которого являются категории (и не вообще категории, а многоранговые дихотомические (бинарные) оппозиции, впервые примененные Н.С. Трубецким в его «Основах фонологии» и лишь недавно определенные систематологами как специфика человеческого мышления [Омельченко 2016]), и парадигмы – множества реализаций языковых единиц разного уровня. Впервые понятие семантического поля было предложено Ибсеном, конкретизировано Триром, разделившим это поле на понятийное и лексическое. А.В. Бондарко ввел понятие функционально-семантического поля, каждое из которых, как выяснилось, формируется несколькими функционально-семантическими категориями. Сейчас выявилось и наличие функционально-грамматических полей, формируемых одной функционально-грамматической категорией, что абсолютно однозначно подтверждает положение А.В. Бондарко о двуединстве поля икатегории.

В традиционной грамматике мы через запятую перечисляем единицы разных уровней от фонетики до синтаксиса, а в рамках каждой из этих единиц выделяем и перечисляем, опять же, через запятую, те или иные уровни и те или иные единицы. Но никогда не представляем их категоризацию и парадигматику. А описание языка в нашей модели вывело ее именно на этот уровень, что позволило увидеть

много интересного. Остановимся на лексике. Но для этого необходимо представить структуру самого Языка, как мы ее видим в нашей модели. Нам нужно учитывать, что Язык есть система, а ни одну систему нельзя описать изнутри, нужно выйти за рамки этой системы. У современной лингвистики есть два традиционных выхода – в другой язык и в диахронию родного и родственных языков. Но, поскольку язык есть структура мироздания, возможен выход в другие науки, что, например, представляет собой введение категории валентности (лат. valēns «имеющий силу»). Это характеристика единиц разных типов: например, свойство черных дыр притягивать и поглощать всё вплоть до света, способность атомов химических элементов образовывать определенное число химических связей; а в языке – способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами.

Поскольку язык категориален, представим сам Язык как категорию, учитывая, что это – объективация нашего мышления и, следовательно, понятийный фрагмент оппозиции – это первый элемент системы. В русистике есть матрица концептов, или логических (понятийных) категорий по И.И. Мещанинову [Мещанинов 1945], предложенная в свое время Е.С. Кубряковой и разработанная Т.В. Шмелевой, представившей сферы проявления концептов, и опубликованная впервые в [Клобуков 1980], а затем на материале разработки категорий времени, пространства и др., дополненная нами [Всеволодова 2016: 125].

Представим сначала матрицу этих концептов, несколько измененную по сравнению с предыдущими представлениями [Всеволодова 2016: 127]. В новом варианте первое место занимает концепт бытийности (см. табл. 1).

Таблица 1. **Матрица концептов – основных логических категорий**

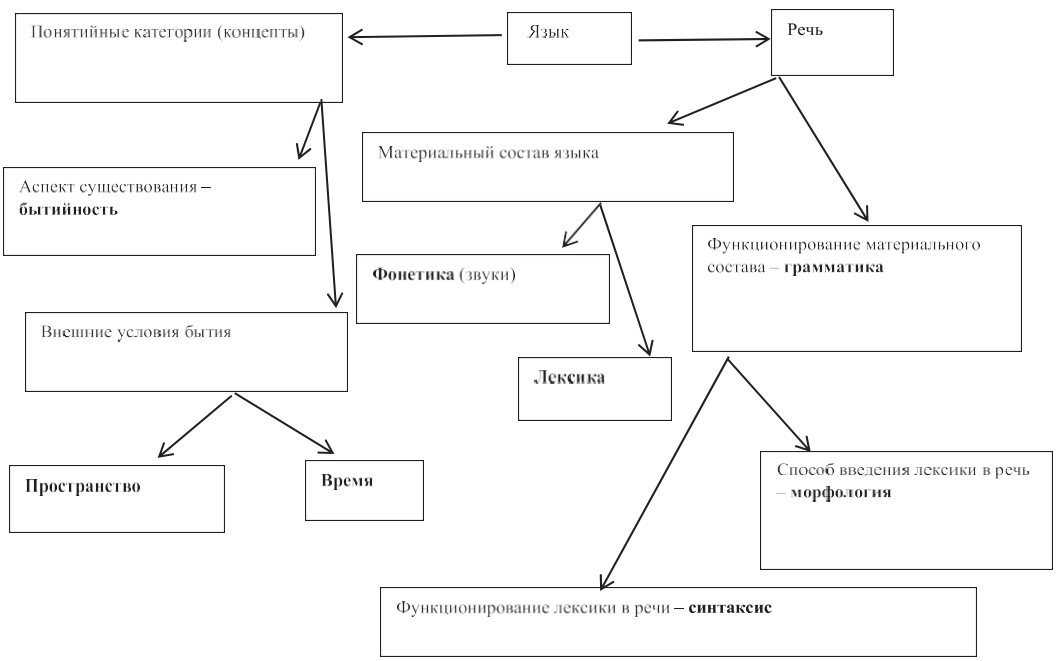
	Концепты						
	Бытийность	Пространство	Время	Действие	Состояние	Отношение	Признак
Сферы проявления	Физическая						
	Физиологическая						
	Эмоционально-психическая						
	Интеллектуально-творческая						
	Социальная						
	Духовная						

1.3. Поскольку основными структурами нашего мышления являются категории, покажем систему категорий самого языка в виде оппозиций (см. схему 1). У каждой из выделенных категорий есть свой сложный набор систем и подкатегорий и есть зоны пересечения выделенных категорий, во-первых, и некоторые аспекты их функционирования, до сих пор в грамматике не представленные, во-вторых. Продемонстрируем некоторые из них на лексике.

1.4. В лексике грамматика в первую очередь выделяет **части речи** (ЧР), которые до недавнего времени в научном стиле имели и другое название – «категориальный класс слов» [Кубрякова 1972]. Ф.И. Панков [Панков 2008], опираясь, в частности, на указание М.В. Панова, что «для частей речи важны только грамматические, не лексические показатели» [Панов 1999], абсолютно адекватно показал, что части речи и категориальные классы слов – явления разных уровней. К грамматическим показателям относятся способы функционирования слов в речи: склонение, согласование, спряжение, неизменяемость, но также и наличие определенных разрядов в данной ЧР. Так, склонение и только склонение (включая такие категории как грамматический род, число, одушевленность) есть лишь у существительного. У глагола есть только один класс со спряжением – индикатив, хотя мы представляем глагол инфинитивом, который не изменяется и у М.В. Ломоносова занимал десятое место в списке глагольных разрядов. Но еще есть неизменяемое деепричастие и согласуемое и склоняемое причастие. У прилагательного, характеризуемого единством склонения и согласования, есть разряды прилагательных, и в разряде качественных прилагательных типа *высокий* есть степени сравнения, где собственно прилагательным выступает исходная форма – позитив. Ком-

паратив представлен либо неизменяемой формой типа *выше, громче, умнее*, либо словосочетанием (с/с) типа *более / менее высокий*. Суперлятив же, наряду с исходной формой типа *высочайший, высший, наивысший,* формируется с/с двух типов: неизменяемым типа *выше всех / всего* и согласуемым и склоняемым типа *самый высокий / наиболее высокий.* Соответственно, грамматика всех ЧР позволила выделить класс слов, который можно назвать базовым категориальным классом (БККл), и другие категориальные классы слов (ККл).

Схема 1. **Система составляющих Языка как структурной единицы мироздания**



И тут встает еще одна интересная проблема. Если у существительного есть только БККЛ, то у местоимения БККл нет, есть только ККл типа «определенные», «неопределенные», «отрицательные» и др., относящиеся к той или иной ЧР: субстантивные *кто, что, ничто, никто, нечто, некто, кто-либо* и т.д., адъективные *какой, такой, никакой, какой-то* и пр. В словарях слово *нигде* справедливо определяют как местоименное наречие. Но у нас почему-то нет местоименных числительных. Слово *много* определяется как наречие, а слово *многие* как часть речи в словарях не определяется, хотя указывается на его адъективную принадлежность и форму мн. ч. [Ожегов, Шведова 1992: 368]. Слово *сколько-то* определяется и как местоименное наречие, и как неопределенное числительное и рассматривается в одной словарной статье как реализации одного слова [Ожегов, Шведова 1992: 749], *несколько* относится к неопределенным числительным, а *столько, столько-то* – к местоименным наречиям [Ожегов, Шведова 1992: 426, 796]. Думается, что это единицы одного ККл, который включает также слова *много, немного, немножко* и *мало* – ме стоименных числительных (МККл). Полный состав этого класса еще нужно найти. Их соотнесенность с числительными легко найти, ср.: *Я жил там много лет, целых десять. Здесь мало книг, всего три.*

А падежная парадигма таких с/с уже в косвенных падежах дает реализацию с согласуемым словом: *многих / стольких / нескольких лет, многими / столькими / несколькими годами* (не останавливаемся здесь на квантитативах со словом *год*, где в некоторых случаях выступают сочетания и со словом *лета*, ср.: *два года – пять лет*), здесь также есть свои парадигмы, в наших грамматиках не отмечаемые.

Много лет *работаю в школе, практически в*

женском обществе [Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru) далее – НКРЯ] = многие годы работаю; *Так продолжалось* ***многие годы*** [НКРЯ] = продолжалось много лет; ***На протяжении многих лет*** *экономика США росла значительно более медленно в первом квартале, чем в остальных. На протяжении* ***многих годов*** *страна постепенно превращалась из непрочного объединения кантонов в федеративное государство. Удивляюсь, как люди переносят подобные мучения в течение* ***многих годов***. ***Ско́льких*** *учеников не было на занятии? Группировка по* ***нескольким*** *столбцам.* ***Со сколькими*** *странами граничит Россия.*

Но слова типа *много, столько* имеют пару в виде *многие, столькие* – зона пересечения двух реализаций местоименных числительных: ***Столькие*** *духовно близкие люди оказались географически отшвырнутыми друг от друга. Ответьте на* ***несколькие*** *вопросы!!! Глядя на молодежь, танцующую в зале, Авель думал о том,* ***ско́лькие*** *же* ***из них*** *смогут сюда вернуться.*

Думается, что все слова этого типа следовало бы отнести к местоименным числительным. Сюда же можно отнести слова *высокий, низкий*, которые тоже связаны с количественной характеристикой. Возможно, это зона пересечения прилагательных и числительных. А при представлении самих знаменательных ЧР в рамках каждой представлять ме стоименный категориальный класс слов, поскольку само местоимение как ЧР определенной формой представить нельзя, так как это всегда единица текста или конситуации и не может быть употреблено, например, как название. МККл числительных требует анализа в рамкахсинтаксиса. Там будут свои уникальности, как, например, богатая парадигма у *много / многие* и отсутствие парадигмы или ее ограниченность у слов *мало, малый* в количественном значении, ср.: *Лампочка давления масла загорается* ***на малых оборотах****, как можно это исправить. Лампочка давления масла появляется только* ***на высоких оборотах****, что делать.* ***На протяжении малых*** *(по сравнению с характеристическим временем)* ***интервалов*** *времени скорость испытывает незначительные изменения. И существовали они лишь* ***на протяжении малых отрезков*** *жизни Вселенной.* Но: *Я объездил* ***много городов*** *– Я побывал* ***во многих городах***. Но: *Мы пока посетили* ***мало городов*** и *Мы пока побывали* ***в немногих городах***.

Все словари называют разные частеречные характеристики этих слов; авторы справочных ресурсов по грамматике русского языка нередко делают обобщения типа: «Слова *много* и *мало*, в зависимости от контекста и своего значения, могут быть разными частями речи: либо наречием, либо предикативом, либо количественным числительным» (https://wordius.ru). Но, во-первых, предикатив – не часть речи, а синтаксическая позиция, а во-вторых, эти слова всегда связаны с понятием количества. Что касается предикатива, то это позиция на уровне категории предицирования, или предикации (не предикативности) – «о чем говорим» и «что говорим» [Кацнельсон 1972, Лекант 1974], то есть на уровне актуального членения В. Матезиуса. Количественный же смысл выделяется в конситуации: *У него* ***мало книг****,* но: ***Книг*** *у него* ***мало. Здоровья мало. Мало сил****. Энергии* ***не хватает***; и *Он по-прежнему* ***мало*** *ест и хорошо себя чувствует. Аппетит* ***на 60 процентов***.

И это значит, необходимо:

1) выделить категорию количе ственности (в концепте «признак» две составляющих – качественный и количественный признаки), которой в нашей грамматике пока нет;

2) выйти в историю языка и проверить, что́ в текстах X-XI вв. соответствует нашим *мало* и *много*, поскольку наречия как категория сформировались в XIV в., и

3) проанализировать формирование категории числительных, выделившихся из адъекти- вов (*один – четыре*) и существительных (*пять* и выше) не раньше конца XVIII в., ср. пример из отчета слуги барину 1731 г.: *Купилъ* ***другую тридцать*** *коровъ* (Музейная комнатаСольвычегодского храма).

Но в нашей модели языка представляется адекватным дать словам *много, мало*, как и *столько, столько-то, сколько, сколько-то, несколько* статус местоименных числительных. Слова *много, мало* носят оценочный характер, который могут выражать и другие местоименные числительные, как самостоятельно, с той или иной ИК, так и с помощью других слов: *У него* ***столько*** *книг!Целая библиотека!* ***Сколько*** *у него книг! С ума сойти! Купил* ***всего несколько*** *книг. Фунт стерлингов* ***целых несколько*** *дней торговался вограниченном ценовом диапазоне.* ***Скольких-то*** *друзейсохранил* [Ожегов, Шведова 1992] = немногих. *Она разведена* ***уже сколько-то*** *времени* = не только что.

Это проблемы морфологии и морфосинтаксиса, и двуединства поля и категории, структур языка.

2 Но есть и **проблемы, связанные со смысловой парадигмой слова: синонимия, антономия и омонимия**. Их обычно рассматривают на уровне знаменательных слов, но очень интересный материал дают и служебные слова – предлоги и частицы.

21. Сами эти понятия рассматриваются в

грамматике только на уровне знаменательной лексики. Именно на этом уровне лексики они были выявлены. Но явление, обнаруженное на одном уровне, возможно и на других уровнях, как внутри данного ККл, так и в других ККл, как в морфологии, так и в синтаксисе. А пока даже для лексики эти понятия просто перечисляются через запятую с определенной формулировкой значения. А мы должны понять самое главное – что́ именно представляют из себя эти понятия. И здесь вспомним известное в лингвистике высказывание: смыслов больше, чем значений, значений больше, чем слов. Продолжим это положение: слов больше, чем словоформ, а словоформ больше, чем структур, в которых они выступают. Вероятно, именно это положе- ние привело кого-то из наших коллег к мысли, что понятие синонимии противоречит закону экономии в Языке, и поэтому синонимии в Языке якобы нет. К этому вернемся чуть ниже, а здесь конкретизируем термин «словоформа».

Современная лингвистика абсолютно справедливо считает предлог частью формы слова – словоформы. «Словоформа – конкретная форма конкретного слова со служебными частицами, если они есть, в тексте» [Ломтев 1972]. Это подтверждается хотя бы тем, что в предложной словоформе ударение может переходить на предлог, а существительное без ударения невозможно: *за́ год, до́ дому, и́ з лесу.* Соответственно, это уже уровень пересечения лексики и морфологии.

Примечание. Закон экономии, возможно, есть, но проявляется другими способами, в частности, так называемой нуль-формой (0-форма) слова, часто в позиции анафоры, как например: *Я позвоню не* ***перед уроком****, а* ***после*** = после урока. *Мы ждали тебя* ***с Машей****, а ты пришел* ***без****.* ***Живописный район*** *с развитой инфраструктурой,* ***вблизости*** *расположены парк культуры и отдыха, торговый центр, несколько продуктовых магазинчиков, рынок* = вблизости этого района. 0-форма в русском языке системна для связки *есть* (реже *суть*) в биноминативных предложениях, чего нет уже в украинском и белорусском и в других славянских языках. Она выступает только при смысловом усилении значимости предиката–ремы и, как правило, произносится ИК-1 смысловым, ср.: *Москва – столица России – Москва* ***есть столица России****. Дети – это цветы жизни – Дети* ***суть цветы жизни****.*

Синонимы – это разные по лексике или по структуре языковые единицы с одним значением, ср. предложения с одним и тем же содержанием – коммуникативную парадигму одного предложения на денотативном уровня, где все денотативные роли одни и те же: *Петя – брат Коли / Петя – Колин брат / Петя Коле – брат / Петя и Коля – братья*.

В лингвистике, как и в других науках, нужно анализировать материал, опираясь на формальные, операциональные методы, доказывающие адекватность наших выводов и классификаций. Таким операциональным методом определения синонимов является невозможность использовать сопоставляемые единицы в модели «А – это не Б», ср. бессмыслицу: **Петя – не брат Коли, а Колин брат / а Коле брат / а Петя и Коля братья*.

Синонимика есть и у служебных слов. У многих предлогов не одна, а несколько синонимических парадигм. Повторим отдельные примеры, приведенные ранее в [Всеволодова 2018], (но с большим новым материалом и, соответственно, новыми выводами), в частности, синонимические парадигмы, выявленные для предлогов с кор- нем *близ* со значением локативности (категория именной локативности, несопространственность, собственно локум) [Всеволодова, Владимирский 1978/ 2008/ 2009/ 2014/ 2019].

1) Парадигма неосложненных предлогов с корнем ***близ***: ***близ, близко, поблизости, близь, в близи / вблизи, в близости / вблизости***. Первые три – это уже собственно предлоги (вторичные); ***вблизи*** и ***в близости*** в функционально-грамматическом поле и функционально-грамматической категории предложных единиц – потенциальные предлоги [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов 2018: 75]. Об этом свидетельствует системно встречающееся раздельное и слитное их написание, возможность вставить определение «внутрь» сочетания (***в*** *непосредственной* ***близости дома***). Представим их: *Сова* ***близ дома*** *кричит – к новорожденному. На речке* ***близко дома*** *новый канал. Множество магазинов* ***поблизости дома***. ***Близь дома*** *находится пруд. Березка* ***в близи дома***. ***В близи нашего дома*** *есть магазины. Овощной участок* ***вблизи дома***. ***Вблизи нашего дома*** *строят новую многоэтажку. Всевладельцы квартир в поселке имеют выделенные земельные участки* ***в близости дома****. Всё это* ***вблизости дома****. Он выполнил посадку в столице недалеко на Васильевском спуске* ***в самой близи Красной площади. В непосредственной близи дома*** *расположены карьеры для купания.* ***В непосредственной близости дома*** *находятся: банкоматы, достопримечательности, кафе, магазины, аптека.*

2) Парадигма каждого из представленных выше предлогов с первичными предлогами-экспликаторами, не выражающими здесь собственного значения, в постпозиции к основному предлогу. Это предлоги ***до, от, к, с*** и предлог ***у***, синонимичный всем данным предлогам и поэтому образующий с ними редупликат, подробнее представленный ниже. Представим их на примере полных парадигм предложных единиц ***близ*** и

в близи: *Географически Прешевская долина располагается около бассейна реки (от истока* ***близ до устья*** *около Южной Моравы в Буяновац). Деревья, растущие* ***близ к дому****, отбрасывают приятную тень. Есть в столице России на пр. Мира,* ***близ от станции*** *метро «Рижская» рынок Крестовский. Новостройки* ***близ со старыми дворами***. ***Близ у дверей*** *и сам Сын Погибели.* Ср.: *близ дверей = у дверей. Здание находится в нескольких минутах пешком от пляжа,* ***в близи до яхт-пристани****. Просторная студия* ***в близи до*** *«Какао бийч». Ремонт зонтов* ***в близи к центру*** *в Сочи.* ***В близи от моего дома*** *нет ни одного парковочного места.* ***В близи с моим домом*** *находится красивый парк.* ***Вблизи у моего дома*** *есть хороший, красивый памятник. Наша база располагалась* ***в самой близи к берегу*** *и скале Шаманка. Туристы* ***в самой близи от маяка***. ***В самой близи с границей*** *количество военной техники составило: 5 БТРов, 3 БМП, 3 САУ, 5 КРАЗов. Приятно лежать* ***в самой близи у огня***! ***В самой близи у стен*** *царило мертвое болото, день за днем неумолимо поглощая в себя остатки строения. Уже мы* ***у причала в самой близи.***

Приведем примеры с некоторыми другими предлогами первой парадигмы: *Хотим покупать домик где-то* ***поблизости*** *до 100 км* ***до моря***. *Подскажите, есть ли* ***поблизости к нашему району*** *бассейн для детей. Номеров свободных* ***поблизости от вокзала*** *не оказалось* (Каверин). *Недорогие дачи* ***поблизости с*** *Москвой. В воде,* ***поблизости у берега*** *крутого, Плотичка резвая жила* (Крылов). ***В близости от*** *Земли пролетит астероид. Здание находится в центральной части города* ***вблизости до моря***. *Резиденция удобно расположена* ***вблизости к Женеве***. ***Вблизости от*** *гостевого дома находится парк отдыха. По случаю командировки, поселился* ***вблизости с рестораном***. *Город Велинград – маленький и спокойный город, но с другой стороны он находится* ***вблизости у самых больших центров Болгарии***.

3) Третья парадигма каждой представленной выше единицы – это синонимика каждого из предлогов и всех их реализаций вместе с разнокорневыми по отношению к ним предлогами: **у, *около, рядом, возле, недалеко, недалеко от / до***. Парадигмы всех этих предлогов пока не установлены, к ним мы вернемся, но синонимика с корневой группой ***близ***, думается, очевидна: ***близ / вблизи дома – около дома – у дома – рядом с домом – недалеко дома – недалеко от дома – недалеко до дома***. Появление в ряде случаев при общности значения дополнительного смысла – это другая важная сторона функционирования служебных единиц лексики в синтаксисе. Иллюстрации не нужны, но приведем реализации, встретившиеся в нашем корпусе, которые к норме мы сейчас не отнесем, но они показывают процесс развития данной группы предлогов: *Какое метро* ***рядом к Дому*** *кино?* ***Рядом к дому*** *залит отличный крепкий фундамент.* ***Рядом к дому*** *взят участок в аренду, для целей, не связанных со строительством. Kopernik Hotel: уютно и* ***рядом к самому городу***.

Но синонимия может проявляться и фактически в системных реализациях одной и той же предложной единицы, то есть в именныхгруппах. Так, некоторые наши предлоги формируют три реализации одного содержания (и это абсолютные синонимы), но с разным порядком предлога и существительного, а в определенной позиции – с разными падежными формами одного слова. Например: ***Спустя тысячелетие с лишним*** *Данте, также живший в ожидании конца света, вкладывает в уста Беатриче слова о том, что в райской «розе» «переполнены ступени» и осталось немного свободных мест для избранников божьих* [НКРЯ]; *Даже* ***тысячелетие спустя*** *в этих краях резня была делом обычным. Ну, а первым королем независимой Португалии* ***тысячелетием спустя,*** *в XII веке, станет Афонсу Энрикеш. Эту камеру* ***спустя месяц*** *нашел на берегу 12-летний ребенок.* ***Месяц спустя*** *после операции на плече, я чувствую себя намного лучше. А Джулия Троттер с коллегами в своей статье, появившейся* ***месяцем спустя****, считают, что первым былопостепенное похолодание* [НКРЯ].

Это уже уровень морфосинтаксиса, то есть, чистой грамматики.

22. Антонимы – это слова с противоположным значением типа *далеко – близко, высокий – низкий, чистота – грязь* и под. Но служебные единицы, в частности частицы, дают очень интересные реализации. Представим их. Сравним обстоятельства времени, выражающие предшествующее и последующее время.

Он приехал ***только*** *два дня назад* = всего два дня назад. *Он уезжает* ***только*** *через два дня* = еще есть время. *Он приехал* ***еще*** *два дня назад / Он приехал* ***уже*** *два дня назад* = достаточно времени тому назад. *Он уезжает* ***еще*** *через два дня* = время еще есть и *Он уезжает* ***уже*** *через два дня* = совсем скоро.

В предложениях с ***только*** передается разная оценка интервала между моментом речи и временным ориентиром, и временной конкретизатор ***только***[1] выражает антонимические смыслы.Изначит, антонимами могут быть в разных значениях

[1] Служебные слова всех типов – мало разработанная у нас категория языка, см. [Никунласси 2019] о частице ***только и***.

той или иной категории (здесь именная темпоральность) реализации одной лексической единицы.

В предложениях с ***уже, еще*** в предшествующем времени обе частицы синонимичны, а в последующем – антонимичны. Но если в предшествующем времени частицу ***еще*** дать в сочетании с ***только***, то налицо – временная близость: *Он приехал **еще только** два дня назад.* В данном контексте ***уже*** и ***только*** не сочетаются. Но в других значениях именной темпоральности и в других категориях такие сочетания возможны, ср. прямое время и именную локативность: *Он очнулся **уже только** в конце дня* (Л. Толстой); *Но лично я узнала, как он называется, **уже только** в самой Японии.*

Таким образом, есть определенные грамматические условия дополнительной дистрибуции в рамках категории синонимичности, которая как категория в нашей лексикологии не рассматривается. Следовательно, только лексикологии для выявления правил функционирования синонимов и антонимов, не говоря уже об омонимах, – каждый предлог выступает в очень разных значениях, – недостаточно. Это аспект функционирования лексики в языке, и значит, это грамматика.

23. Что касается омонимии, то это, в первую очередь, характеристика первичных предлогов. Предлог может образовывать семантически значимую именную группу (ИГ) например, времени, места, размера и т. д., выступающую как самостоятельно (свободная ИГ), так и в предикативной позиции (обусловленная ИГ), и только по валентности управляющего слова (зависимая ИГ).

Свободные ИГ формируют определенные функционально-семантические категории, и, в основном, главной для выбора предлога (если он нужен) и падежа является лексика знаменательного слова и состав ИГ, ср.: *в среду – в мае – за обедом – на уроке – в первый день – на второй день – в прошлом году – на будущий год*, но: *утром, вечером, весной, осенью*; *в Арктике,* но: *на севере*.

Примечание. В большинстве словарей и грамматик словоформы-названия частей суток и времен года в форме тв.п. определяют как наречия. Мы уже писали об этом, и напомним, что все эти словоформы кроме словоформы *днем* в значении с 12 до 5 часов, когда начинается вечер, ср.: *12 часов дня – 4 часа дня,* но *5 часов вечера* – суть чистые формы тв.п. соответствующих существительных. У слова ***день*** три ЛСВ: 1) сутки (24 часа), 2) светлая часть суток (с обязательным указанием на темную часть: *день и ночь, днем и ночью* и др.) и 3) компонент часового времени. Именно этот ЛСВ в словоформе *днем* онаречился и, в отличие от всех других слов этой лексико-семантической группы, не образует словоформ типа *с утра, к вечеру, до ночи, до самого утра*. И это говорит о том, что в падежной парадигме слов со значением частей суток в категории именной темпоральности наряду с формами тв.п. существительного трех слов выступает одно наречие. А это пересечение разных множеств дискретных единиц.

Для предлога ***в***, управляющего в.п. и пр.п. в работе [Всеволодова, Виноградова, Чаплыги- на 2018, 68–78] выделено 13 немотивированных ИГ, например, с глаголами с приставкой ***в-***: *влюбиться, всмотреться, вмешаться,* и 8 мотивированных ИГ, например, *в лесу, в гневе, в детстве* и др., а также ИГ из двух предлогов типа *в день до собрания, в день перед собранием, в дни после новогодней ночи* и др.

Примечание. В названной работе, к сожалению, есть ошибки. Так, первое употребление типа *выйти во двор* названо немотивированным. Это свободная ИГ в категории именной локативности, где в определенных системных отношениях выступают ИГ, отвечающие на вопросы где? куда? откуда? каким путем? [Всеволодова, Владимирский 1982/ 2008/ 2009/ 2014].

24. В лексике есть еще один интересный тип конструкций – совместное употребление двух синонимов или разнозначных лексических единиц как одной лексико-грамматической единицы. Это – проявление, судя по частотности таких употреблений, одной из специфических особенностей именно русского языка, а именно: максимальное усиление выражения смысла материальными единицами. Один из механизмов реализации уже был представлен выше, это предлоги с экспликаторами типа ***близко к, близко от, близко с*** и др. Но когда объединяются синонимичные единицы, то налицо редупликация.

Представим два предлога в сложном предложении, где их синонимичность очевидна, а употребление именно синонимов определяется возможностью поставить один в группу темы, а другой в группу ремы; и те же два предлога в редупликате: *Я работаю не только **славы ради**, но и **денег для*** (Евстигнеев, ТВ); *Она только **для ради** детей живет. Всё **ради для** нас с тобой.* Ср. также: *Кассир Миронова обнаружила подделку лишь **через некоторое время спустя.** Встреча **спустя через годы**. Ошибка допущенные во время закладки, разметки основания может проявиться **через годы спустя.** Инцидент произошел днем 10 апреля **возле около стадиона ФК «Краснодар»**. Парк **около возле** Третьяковской галереи. При применении колодца **рядом возле дома** может использоваться станция с небольшой высотой всасывания. Стоянка авто **возле рядом с домом**. **Возле самих апартаментов в самой близи** располагаются хорошие песчаные пляжи.*

Разумеется, такого типа редупликаты нельзя назвать нормой и не стоит вводить их в курс русского языка как неродного, но филологи, в том

числе и инофоны, знать о них должны.

В принципе системными являются редупликаты частиц ***лишь*** и ***только*** с частицей ***всего***: *Вывести* ***всего одну запись.*** *Прожить* ***лишь одну жизнь.*** *Принтер HP печатает* ***только одну копию*** *страницы. Он знает* ***всего лишь одну песню****. Егор Андреевич жил холостяком и занимал* ***всего только одну комнату*** [НКРЯ]; а также: *Он сказал мне* ***всего-на́всего одну фразу*** [НКРЯ]; ***Всего-то навсего*** *– всех прости. И станет праздником жизнь твоя. Мы не политики, а* ***всего-навсего лишь сыны своего отечества*** [НКРЯ]; *Прошло* ***всего-навсего только полчаса*** [А. Гайдар, НКРЯ]. Именно этой спецификой можно объяснить парадигму сложных предложений, где исходной и самодостаточной является бессоюзная модель, но ради проявления смысла отношений системны в русском языке варианты с союзами, не вносящими новый смысл, а только материализующими его: *Староста сообщил: в среду будет экскурсия. – Староста сообщил,* ***что*** *в среду будет экскурсия. – Староста сообщил* ***о том, что*** *в среду будет экскурсия. Сын привык: я проверяю, как он сделал уроки. – Сын привык,* ***что*** *я проверяю, как он сделал уроки. – Сын привык* ***к тому, что*** *я проверяю, как он сделал уроки. Он приедет, мы уедем.* ***Когда*** *он приедет, мы уедем. –* ***Когда*** *он приедет,* ***тогда*** *мы уедем. – Мы уедем* ***тогда, когда*** *онприедет.*

В данном случае налицо уже не лексическая, а синтаксическая синонимия. А в нашем языке есть и морфологические синонимы, не всегда отмечаемые в наших грамматиках на уровнеморфологии. Другими словами, можно говорить о грамматической синонимии. Представим некоторые ее проявления.

3. **Грамматическая синонимия.** Как показывает наш «предложный» материал (см. [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов 2014/ 2018; Всеволодова, Виноградова, Чаплыгина 2018]) очень многие вторичные предлоги и другие классы предложных единиц управляют в одном и том же значении разными падежами, выступают самостоятельно и в сочетании с экспликаторами, например: *Платить* ***адекватно работы****. – Платим вовремя и* ***адекватно работе****. – Действовать* ***адекватно к обстоятельствам.*** *– Россияне живут, мягко говоря, не* ***адекватно с возможностями***. Ср. в одном предложении: *Почитаем тех, кто трудится* ***во благо себя*** *и* ***во благо Мира Жизни*** *– Служить* ***во благо Отечеству****! – Работать* ***во благо общества и себе****.*

Заключение. Формат статьи ограничивает возможности представления всех аспектов нашей темы. Мы остановились, в основном, на служебных единицах лексики, и здесь еще очень много не выявленного и не систематизированного материала. Как видим, речь естественного общения – это основная сфера функционирования языка, она не только выявляет колоссальное богатство языковых средств нашего (и каждого другого) языка, но и требует категориального подхода ко всем уровням языка, что позволит нам понять механизмы его функционирования, определенным образом систематизировать сам языковой материал не только по словарным формам, но и по его реализациям в разных условиях общения, что – в сопоставлении с языком инофона – позволяет адекватно преподнести нужный материал.

Литература

1. Брызгунова Е.А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М.: Изд-во Московского университета, 1973. 311 с.
2. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) грамматики. М.: URSS, 2016. 656 с.
3. Всеволодова М.В. Некоторые проблемы современной русской грамматики и категория грамматикализации // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 5, 2018. С. 194–229.
4. Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Книга 2. Реестр русских предлогов и предложных единиц А-В (объективная грамматика). М.: URSS, 2018. 800 с.
5. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: «Русский язык», 1982; М.: URSS, 2008/2009/2014/2019. 286 с.
6. Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Книга 1. Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Изд. 2. М.: URSS, 2018. 304 с.
7. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 213 с.
8. Клобуков Е.В. Теоретические проблемы русской морфологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 96 с.
9. Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.:

Просвещение, 1976. 240 с.
10.Кубрякова Е.С. Части речи в ономасиологическом освещении. М.: Наука, 1978. 114 с.
11.Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М.: Высшая школа, 1974. 160 с.
12.Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М.: изд-во Моск. ун-та, 1972. 196 с.
13.Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // Труды военного института иностранных языков. М. № 1, 1945. С. 5–17.
14.Никуласси А. Синтаксис фокусной частицы *только и* // Вопросы языкознания. № 2, 2019. С. 7–30.
15.Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 944 с.
16. Омельченко В.В. Системные основы древних писаний и древнерусского языка. Загадки Ригведы – Веды гимнов и древнерусского языка. М.: URSS, 2016. 424 с.
17. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка М.: Наука, Языки русской культуры, 1999. 275 с.
18. Панков Ф.И. Опыт функционально-коммуникативного анализа русских наречий: на материале категории адвербиальной темпоральности. М.: МАКС Пресс, 2008. 448 с.
19. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык. М.: URSS, 2010. 190 с.
20.Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: изд-во иностранной литературы, 1960. 372 с.

VOCABULARY AND GRAMMAR, OR VOCABULARY IN GRAMMAR

M.V. Vsevolodova
Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, 119991, Moscow, Russia
E-mail: *mayya133@mail.ru*

The article presents the material related to vocabulary functioning in syntactic structures, i.e. in the text, and reveals some morphological problems, in the course of the description of Russian as a foreign language. The author characterizes the level of modern linguistics, noting that a new approach to linguistics has been formed, which allows to look at a language in a new way: to consider the dynamics of language functioning, to use the concepts of field, category, multitude and etc. These fundamental ideas are illustrated on the data of grammar words, mainly participles and prepositions.

Key words: *language structure, functioning of language units, grammar words, categories and paradigms, prepositional units.*

DOI: 10.18572/2687-0339-2020-1-16-22

О СТРАТИФИКАЦИИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И ЯВЛЕНИЙ В ГРАММАТИЧЕСКОМ СТРОЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Г.И. Панова
Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова, ул. Ленина, 90, 655000, Абакан, Республика Хакасия, Россия
E-mail: *gipanova@mail.ru*

В статье с позиций разграничения разных уровней существования грамматического строя анализируется репрезентация морфологической формы как единицы абстрактной грамматической системы на уровне лексических единиц в словоформе и на уровне высказывания в словоформе-синтаксеме. С учетом результатов содержательного взаимодействия морфологической формы с лексемой и контекстом выделяются три типа реализации морфологического значения в структуре словоформ и высказываний. Описываются уровни проявления и дифференциации морфологической омонимии с указанием способов дифференциации.

Ключевые слова: *морфологическое значение, морфологическая форма, словоформа, словоформа-синтаксема, морфологическая омонимия.*

Александр Владимирович Бондарко начинает один из разделов монографии «Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии» таким утверждением: «В лингвистической традиции издавна так или иначе дифференцировались разные уровни (или аспекты) с у щ е с т в о в а н и я и, соответственно, о п и с а н и я грамматических категорий. Особенно существенным представляется разграничение 1) уровня абстрактной грамматической системы (рассматриваемой в отвлечении от лексики); 2) уровня репрезентации абстрактной грамматической системы в лексически конкретных единицах; 3) уровня функционирования грамматических единиц в составе высказывания, в тексте» (разрядка наша. – *Г. П.*) [Бондарко 1983: 100].

Представляется, что значимость этого подхода к анализу языковых единиц еще не выявлена в полной мере. Разграничение данных уровней грамматического строя является исходным не только при анализе плана содержания морфологических форм (далее: МФ), в связи с чем они и были выделены, но и при рассмотрении иного, причем весьма неоднородного морфологического материала. Этот факт свидетельствует, на наш взгляд, о том, что А.В. Бондарко не просто разработал принципиальное для морфологии теоретическое положение, но создал новый метод исследования морфологического строя синтетического языка – **метод поуровневого анализа.** Только с позиций разграничения разных уровней существования грамматических единиц можно наиболее четко представить общую структуру морфологического строя русского языка, стратификацию его единиц и явлений.

В данной статье рассматриваются 1) МФ как главная единица синтетической морфологии, 2) общие типы реализации ее значения на уровне слова и высказывания и 3) уровни проявления и дифференциации морфологической омонимии. Адекватное представление об этих морфологических реалиях можно получить, на наш взгляд, только методом поуровнего анализа.

1. Морфологическая форма на разных уровнях грамматического строя. МФ (грамматическая форма слова, или фор- ма слова) – это базовая единица синтетического морфологического строя русского языка. История учения о МФ в русском языкознании может стать предметом специального рассмотрения, здесь же мы только отметим основные подходы к ее пониманию. Имеющиеся в научной и справочной литературе, а также в грамматиках и учебных пособиях по морфологии определения МФ освещают ее в большинстве своем в трех аспектах: по отношению к слову, по отношению к словоформе и по отношению к морфологическим средствам. (Об иных истолкования МФ см. в [Клобуков 1979: 56; Панов 1999: 80–81].)

МФ по отношению к слову – это «морфологическая разновидность слова (класса слов),

несущая определенный комплекс категориальных грамматических значений…» [Бондарко 1976: 603] (аналогичные определения находим у А.А. Шахматова, В.В. Виноградова, Л.В. Щербы, А.Н. Тихонова, А.А. Камыниной и др.); по отношению к словоформе – это «абстрактный грамматический образец, рассматриваемый вотвлечении … от конкретных словоформ с их индивидуальными лексическими значениями…» [Русская грамматика 1980: 455].

Чаще всего МФ определяют по отношению к морфологическим средствам, по существу отождествляя ее с последними. Можно выделить три варианта таких определений. **1.** Грамматическая форма – это «языковые средства, служащие для выражения гр. значений» [Розенталь 1972: 75] (аналогично рассматривают грамматическую форму Н.Н. Дурново, А.В. Исаченко, Н.С. Поспелов, В.Н. Сидоров, Ю.С. Степанов и мн. др.). **2.** Это «…единство данного грамматического содержания (значения) с данным грамматическим выражением» [Ахманова 1969: 116] (аналогично: И.П. Мучник, Б.Н. Головин, В.И. Косовский, В.Н. Перетрухин и др.). **3.** Это «языковой знак, в котором обобщенное, отвлеченное значение находит свое регулярное … выражение» [Лопатин 1997: 97] (аналогично: Т.П. Ломтев, В.А. Плотникова, В.Н. Немченко и др.).

Если в первом определении отождествление грамматической формы со средствами выражения грамматических значений слова представлено эксплицитно, то во втором и третьем – оно подразумевается. По существу, в них тоже речь идет о морфологическом средстве (аффиксе или вспомогательном слове), только с вычленением его плана содержания и плана выражения.

Думается, однако, что никто из названных лингвистов в действительности не отождествляет МФ с морфологическим средством, оставляя на уровне пресуппозиции тот очевидный факт, что морфологический аффикс существует не сам по себе, а в единстве с основой изменяемых слов. И если эксплицировать это единство, то МФ слова предстанет не как «языковой знак» (см. определение В.В. Лопатина), а как определенная конструкция, в которой этот знак является главной составляющей.

Итак, **морфологическая форма** – это единство а) морфологического средства (аффикса или служебного слова) и б) обобщенной основы слов данной части речи. См., например: [(осн. глаг.) + ***-у***], или [(осн. сущ.) **+ *-ами***], или [***самый*** + (осн. прилаг.) + ***-ый***].

МФ можно представить и как трехкомпонентную единицу, т. е. в развернутом виде, дифференцировав план содержания и план выражения морфологического средства. В таком случае МФ – это единство морфологического значения, его материального выражения и обобщенной основы слов данной части речи. См., например, схематическое отражение структуры МФ 1 л. ед. ч. глагола (в отвлечении от других, сопряженных морфологических значений):

основа глагола — МЗ 1 л. ед.ч. (отнесенность действ. к субъекту – говорящему).
[*у*]

Важно отметить, что при развернутом представлении данной МФ [*у*] – это звук, составляющий план выражения окончания 1 л., ед. ч., а при свернутом ее представлении (осн. глаг. + ***-у***) *-у* – это само окончание.

Таким образом, МФ – это единица «уровня абстрактной грамматической системы (рассматриваемой в отвлечении от лексики)» (А.В. Бондарко). Она реализуется «в лексически конкретных единицах», которые А.И. Смирницкий назвал словоформами. **Словоформа** (СФ) – это «данное слово в данной грамматической форме, или данная грамматическая форма данного слова»[Смирницкий 1954: 18]. Если же определить СФ с точки зрения структуры, то она представляет собой единство МФ и лексемы данного слова. СФ отличается от МФ конкретным лексическим наполнением основы слова. Ср. СФ 1 л. ед. ч. глаголов – [*расскаж* + ***-у***], [*подожд* + ***-у***] или [*жив* + ***-у***] и их общую МФ – [(осн. глаг.) + ***-у***].

Итак, СФ – это единица системы языка, в структуре которой реализуется МФ как «отвлеченно-грамматический аналог словоформы, тот грамматический тип, который репрезентируется словоформами с их конкретным лексическим наполнением…» [Бондарко 1976: 118]. Это лексико-морфологическая единица, в пределах которой происходит содержательное взаимодействие МФ и лексемы. Иногда их взаимодействие проявляется и в плане выражения.

Если говорить о реализации МФ (в структуре СФ) на уровне высказывания, то здесь логично выделять особую единицу, которую можно назвать **словоформа-синтаксема**. «Синтаксема» у автора данного термина Г.А. Золотовой – это «минимальная семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент … синтаксических построений, характеризуемая, следовательно, определенным набором

синтаксических функций» [Золотова 2001: 4].

Если синтаксема – это СФ в структуре высказывания в ее синтаксическом аспекте, то словоформа-синтаксема – это СФ в структуре высказывания в ее морфологическом аспекте, в том возможном видоизменении ее категориального значения, которое возникает под влиянием контекста. Возьмем для примера высказывание *Я, бывало,* ***расскажу*** *ей что-нибудь из своей жизни, а она потом долго переживает это*. Значение будущего времени СФ *расскажу* не входит в содержательную структуру высказывания: словоформа-синтаксема *расскажу* обозначает в этом контексте повторяющиеся действия плана прошлого. Таким образом, словоформа-синтаксема – это единица речи («лексико-синтаксико-морфологическая»), грамматическое значение которой определяется с позиций содержательной структуры высказывания.

А.В. Бондарко пишет: «Пытаясь дифференцировать разные аспекты анализа грамматических категорий (и их МФ. – *Г. П.*), мы должныпомнить о том, что такая стратификация отражает разные формы существования единого объекта» [Бондарко 1983: 104]. Таким образом, МФ, существующая на уровне абстрактной грамматической системы, на уровне слова реализуется в СФ, а на уровне высказывания – в словоформе-синтаксеме [Панова 2014: 25–26, 35–36, 42].

Примечание. Описание разных уровней существования МФ как базовой единицы морфологического строя русского языка предполагает аналогичное рассмотрение стратификации и других его единиц, однако этот вопрос требует более углублен- ного исследования. Здесь мы только отметим их отнесенность к

тому или другому уровню, как нам это представляется.

На уровне «абстрактной грамматической системы» существуют: 1) МФ как единство морфологического аффикса и обобщенной основы слов данной части речи, 2) словоизменительные морфологические категории как системы рядов МФ с однородным содержанием [Бондарко 1976: 148], 3) парадигмы морфологических категорий в тех формальных разновидностях, которые создаются равнозначными формообразующими аффиксами, и 4) парадигмы частей речи как суммы парадигм их морфологических категорий.

На уровне «лексически конкретных единиц» существуют 1) СФ как единство морфологической формы и конкретной лексемы, 2) парадигма слова, которая может быть полной и неполной, а последняя достаточной или недостаточной для реализации лексемы. К этому же уровню относятся 3) лексико-грамматические разряды слов данной части речи, сформированные в результате спонтанного взаимодействия в структуре словоформ их лексического и морфологического значений, а также 4) формальные классы (типы склоне- ния и спряжения), сформированные в результате «выбора» планом выражения лексемы одной из формальных разновидностей парадигмы данной категории (или комплекса категорий). И, наконец, на этом же уровне существуют 5) части речи, универсальными конституирующими свойствами которых являются семантико-синтаксические свойства и которые в синтетических языках представлены в соответствующих словоформах.

На уровне высказывания есть только одна единица, имеющая отношение к морфологии, – это словоформа-синтаксема, в которой реализуется МФ в контексте высказывания, предопределяющем проявление ее категориального или некатегориального значения.

2.Типы реализации значения морфологических форм на разных уровнях грамматического строя

Поуровневый подход, как уже отмечалось, используется в основном при описании значений МФ, которые «выступают на уровне абстрактной грамматической системы языка как обобщен- носодержательные типы, без той конкретизации, которая связана с лексикой и контекстом» [Бондарко 1983: 101]. Этот подход дает возможность систематизировать общие особенности реализации значений МФ на уровне слова (в СФ) и на уровне высказывания (в словоформе-синтаксеме), не затрагивая особенностей взаимодействия конкретных МФ с лексемами, а также элементами контекста (об этом писали А.В. Бондарко, Ю.П. Князев, А.А. Колесников, Р.А. Маркарян, И.Г. Милославский, П.А. Соболева, Л.А. Шарандин, Е.А. Шендельс и др.).

Учитывая категориальный или же некатегориальный характер проявления морфологических значений в целом (КЗ или НКЗ), можно выделить три общих типа их реализации.

Уровни реализации морф. значения	1 тип	2 тип	3 тип
1 уровень: морфологическая форма	КЗ МФ	КЗ МФ	КЗ МФ
2 уровень: собственно словоформа	КЗ МФ	КЗ МФ	НКЗ МФ
3 уровень: словоформа-синтаксема	КЗ МФ	НКЗ МФ	НКЗ МФ

Первый тип реализации значения МФ**:** ее категориальное значение, выражаемое на уровне абстрактной грамматической системы (1), реализуется и в СФ (2), и в словоформе-синтаксеме (3), т. е. в высказывании.

Например, значение отнесенности действия к субъекту-собеседнику формы 2 л. ед. ч. глагола проявляется в СФ гомических лексем: *жив**ешь**, пиш**ешь**, твор**ишь*** – и в высказываниях, для смысла которых значимо указание на конкретного собеседника: *Давно ты здесь **живешь**?* Или значение отнесенности действия к субъекту – неучастнику диалога формы 3 л. ед. ч. реализуется в СФ субъектных глаголов (гомических и негомических): *шал**ит**, темнее**т**, раст**ет*** – и в высказываниях, отражающих субъектные действия / процессы, типа: *Ребенок шал**ит**, Небо **темнеет***.

Контекст может привносить определенную конкретизацию в категориальное значение МФ. На это обращает внимание А.В. Бондарко: «… на уровне функционирования в тексте категориальные значения грамматических форм выступают (в том или ином варианте в рамках семантического потенциала формы) в той наибольшей степени конкретизации и реального многообразия, которая обусловлена влиянием контекста и ситуации» [Бондарко 1983: 103]. Так, например, в составе предложения «значение формы пове- лит. накл. может конкретизироваться как требова- ние, просьба, совет, увещевание, мольба. Все эти оттенки побуждения создаются интонацией, лексическим значением глагола, контекстом (ситуацией) и специальных грамматических средств для своего выражения не имеют» [Русская грамматика 1980: 624]. Обратим еще раз внимание на то, что значение словоформы-синтаксемы – это результат содержательного взаимодействия МФ, лексемы и контекста.

Этот тип реализации значения МФ представляет собой классическую ситуацию, когда содержательное предназначение морфологической категории и ее форм непосредственно реализуется в СФ и высказывании. Категориальное значение формы согласуется с семантикой лексемы и высказывания, участвуя в формировании смысловой структуры последнего.

Второй тип реализации значения МФ: ее категориальное значение проявляется только на уровне СФ (2), но не входит в содержательную структуру высказывания, следовательно, не содержится в словоформе-синтаксеме (3).

Например, морфологическое значение 2 л. ед. ч. глагола, реализующееся в словоформе *живешь*, существенно видоизменяется в высказывании *Если **живешь** неправильно, рано или поздно что-то случится* (С. Довлатов). Здесь отражается обобщенная ситуация, характерная не только для собеседника, но и для любого лица. Аналогично категориальное значение 3 л. ед. ч., реализующееся в словоформе *темне**ет***, не проявляется в высказывании *На небе уже темне**ет***, которое представляет процесс, воспринимаемый носителями языка как бессубъектный.

Именно для второй ситуации характерны отражаемые в грамматиках и учебных пособиях по морфологии некатегориальные употребления МФ, связанные с транспозицией, нейтрализацией и т. п., включая такие особые употребления СФ лица глаголов, как обобщенно-личное, неопределенно-личное и безличное [Русская грамматика 1980: 632–634, 638 и др.].

Третий тип реализации значения МФ: ее категориальное значение встречает пре- пятствия в своем проявлении уже на уровне СФ. Морфологическое значение СФ не согласуется с семантикой лексемы, она наталкивается, по выражению В.В. Виноградова, «на сопротивление лексического материала». Здесь можно выделить три основные ситуации.

1. Лексема накладывает запрет на образование данной СФ. Например, «неупотребительны формы 1 и 2 л. ед. ч. у глаголов, лексические значения которых несовместимы с представлением о единичном деятеле: *толпиться, сползтись, сбежаться, разбежаться* (о многих), *набежать* …» [Там же: 637].

2. Лексема подавляет морфологическое значение словоформы, оно нейтрализуется. Так, в СФ *темнот**а**, лав**а*** или *сумерк**и**, чернил**а*** не проявляется значение количества форм числа. Оно несовместимо с семантикой этих лексем, и их СФ числа оказываются семантически пустыми.

3. Значения лексемы и МФ взаимодействуют в структуре СФ как бы на равных, видоизменяя друг друга. Обратим внимание на словоформы мн. ч. вещественных и абстрактных существительных типа *пески, снега* или *холода, ветра*. Их лексемы несовместимы со значениемдискретного

множества формы числа, и они видоизменяют его в значение недискретного (значительного) количества реалий; а форма мн. ч., в свою очередь, видоизменяет семантику лексемы, ср.: *песок* и *пески* или *холод* и *холода*.

Таким образом, в русском языке существуют три типа реализации морфологических значений на разных уровнях грамматического строя. В одном случае категориальные значения проявляются в структуре МФ, СФ и словоформ-синтаксем – это классическая ситуация; в другом – только в структуре МФ и СФ, когда они не согласуются с семантикой высказывания; в третьем – лишь в структуре МФ, когда не согласуются с семантикой лексемы.

3. Морфологическая омонимия на разных уровнях грамматического строя

С позиций разграничения разных уровней существования МФ можно подойти также к рассмотрению морфологической омонимии. Это явление в том или ином аспекте рассматривалось многими лингвистами либо как предмет специального анализа [Виноградов 1975, Малаховский 2009, Соболева 1975], либо попутно с исследованием других вопросов (В.Г. Адмони, О.С. Ахманова, Т.В. Булыгина, В.Г. Гак, А.А. Зализняк, В.Б. Касевич, В.В. Мадоян и др.). Мы обратим внимание только на уровни проявления и снятия омонимии и покажем на нескольких примерах способы дифференциации омонимичных МФ [см.: Панова 2000].

П.А. Соболева отмечает: «В области парадигматики следует различать омонимию морфем…, омонимию словоформ… и омонимию слов» (разрядка наша. – *Г. П.*) [Соболева 1975: 68]. Когда речь идет об омонимии морфем формообразующих, то здесь нужно говорить и об омонимии МФ, конституируемых этими морфемами: за омонимией морфологических аффиксов всегда стоит омонимия МФ.

Морфологическая омонимия порождается на уровне абстрагированных МФ и может проявляться в тех языковых единицах, в которых они существуют на уровне слова и высказывания, т. е. в СФ (обычно) и иногда в словоформах-синтаксемах. Так, в русском языке есть омонимичные МФ субстантивов со структурой [(основа сущ.) + -Ø] – это могут быть формы: 1) им. п. ед. ч., 2) род. п. мн. ч. и 3) вин. п. мн. ч. Их омонимия может проявляться и в словоформе (например, *грузин*), и в словоформе-синтаксеме, см. пример А.Н. Гвоздева *На борту теплохода стояла группа русских и* ***грузин*** (род. п. мн. ч. или им. п. ед. ч.?). Омонимия этих МФ не снимается ни на уровне СФ, ни на уровне словоформы-синтаксемы, т. е. в высказывании, хотя последнее бывает нечасто.

Явление омонимии в целом нежелательно для носителей языка. И язык, порождая омонимию на уровне абстрактной грамматической системы, находит возможности преодолеть ее на других уровнях. Анализ языкового материала позволяет увидеть три способа преодоления омонимии МФ на уровне СФ.

1. При наличии равнозначных морфологических аффиксов, среди которых есть омонимичные и неомонимичные, омонимичные аффиксы (и, следовательно, МФ) не совмещаются в пределах одной лексемы и омонимии СФ не возникает. Например, у глагола есть две омонимичные МФ с нулевыми суффиксами (Δ) и флексиями (Ø): 1) форма индикатива прош. времени ед. ч. муж. рода [(осн. глагола) + Δ + Ø] и 2) форма императива 2 л. ед. ч. [(осн. глагола) + Δ + Ø]. Омонимия этих МФ не проявляется на уровне СФ. При наличии равнозначных суффиксов (*-л-* / Δ для прош. времени, *-и-* / Δ для императива) нулевые суффиксы не совмещаются (за одним исключением) в пределах одного глагола. См.: *увёз*-Δ-Ø, но *увез-**и**-Ø*; *отдыхай*-Δ-Ø, но *отдыха-**л**-Ø*. Как известно, омонимия широко распространена у существительных, особенно в сфере падежных форм. Так, у субстантивов мужского рода есть омонимичные МФ со структурой [(основа сущ.) + *-а / -я*]. Это могут быть формы: 1) род. п. ед. ч. и 2) им. п. мн. ч. (но не только); причем последняя имеет равнозначную форму с флексией *-ы / -и* (она тоже омонимична). Разграничение омонимичных МФ с флексией *–а / -я* на уровне СФ может достигаться тем, что они тоже не совмещаются в пределах одного слова. См.: *сюжет**а*** (род. п. ед. ч.), но *сюжет**ы*** (им.-вин. п. мн. ч.) или *фонар**я***, но *фонар**и***.

2. При совмещении омонимичных МФ в пределах одного слова к их дифференциации подключаются (однако не всегда) определенные элементы плана выражения лексемы – ударение и чередующиеся звуки, создающие морфонологические варианты основы слова.

Например, разная позиция ударения может дифференцировать в СФ те же омонимичные МФ существительных муж. р. с окончанием *-а / -я*: *го́рода – города́, я́коря – якоря́* . (На письме омонимия остается.) А чередующиеся звуки разграничивают у глагола *лечь* омонимичные формы индикатива и императива, о которых речь шла выше: *л**ёг*** (-Δ-Ø) и *л**яг*** (-Δ-Ø). В подобных случаях в структуре СФ происходит взаимодействие лексемы и МФ в плане выражения, направленное на «подавление» омонимии МФ в структуре СФ [Панова 2015: 69].

3. Аналогичную дифференцирующую функцию в структуре СФ могут выполнять и элементы плана содержания лексемы. Так, сема «живое существо» у существительных муж. р. с омонимичным нулевым окончанием предопределя- ет СФ им. п. (не вин.). Например, *друг, соловей* – им. п., но *небосвод, ветер* – им. / вин. п. Или абстрактный характер лексического значения субстантивов «указывает» на ту форму из омонимичных МФ падежа-числа, которая связана с ед. ч., см: *героизм**а**, родств**а*** – эти СЛФ однозначно воспринимаются как формы род. п. ед. ч. (а не им.-вин. п. мн. ч.).

И, наконец, в тех случаях, когда омонимия МФ не снимается на уровне СФ, она, как правило, преодолевается на синтагматическом уровне. Это касается прежде всего омонимичных падежных форм. Их разграничение обычно связано с заполнением валентной позиции «господствующего» слова, как в сочетаниях *нет **рукава*** (род. п. ед. ч.) – *есть **рукава*** (им. п. мн. ч.) – *пришили **рукава*** (вин. п. мн. ч.). Но может проявляться и в автономной позиции, см. у А. Блока: ***Ночь**. Улица. **Фонарь**. Аптека*. На уровне данных словоформ-синтаксем омонимии нет. Однако вопрос о разграничении омонимичных падежей в высказывании имеет главным образом только теоретический характер, так как падежные «семантические роли» могут «исполнять» и несклоняемые субстантивы, не препятствуя, как правило, однозначному выражению смысловых отношений.

Таким образом, метод поуровневого анализа морфологического строя русского языка позволяет раскрыть особенности репрезентации его базовой единицы – морфологической формы в словоформах и словоформах-синтаксемах; выявить типы реализации морфологических значений в структуре этих единиц и дифференцировать уровни проявления и преодоления морфологической омонимии.

Литература

1.Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 605 с.

2.Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983. 207 с.

3.Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976. 255 с.

4.Бондарко А.В. Форма слова // Русский язык: энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Дрофа, 1997.

5.Виноградов В.В. О грамматической омонимии в современном русском языке // Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. Избр. тр. М.: Наука, 1975. С. 13–32.

6. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 440 с.

7. Клобуков Е.В. Теоретические проблемы русской морфологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 96 с.

8.Лопатин В.В. Грамматическая форма // Русский язык: энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Дрофа, 1997. С. 97–98.

9.Малаховский Л.В. Теория лексической и грамматической омонимии. М.: Либроком, 2009. 248 с.

10.Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука; Школа “Языки русской культуры”, 1999. 275 с.

11.Панова Г.И. Морфология русского языка: энциклопедический словарь-справочник. М.: Комкнига, 2014. 444 с.

12. Панова Г.И. О стратификации выражения морфологических значений в структуре словоформ русского глагола // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 2015. № 1. С.62–75.

13. Панова Г.И. Об уровнях преодоления омонимии морфологических форм в русском языке // Язык. Функции. Жизнь: Сб. статей в честь проф. А.В. Бондарко. СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. С. 110–114.

14.Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1972. 495 с.

15.Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.

16. Смирницкий А.И. К вопросу о слове // Труды Ин-та языкознания АН СССР, 1954. Т. 4. С. 3–49.

17.Соболева П.А. Омонимия лексическая, словообразовательная и грамматическая // Учен. зап. Ташкент. гос. пед. ин-та им. Низами. Т. 143: Актуальные проблемы русского словообразования. Ч. 1. Ташкент, 1975. С. 68–72.

ON STRATIFICATION OF MORPHOLOGICAL UNITS AND PHENOMENA IN GRAMMATICAL STRUCTURE OF RUSSIAN LANGUAGE

G.I. Panova
Khakass State University after Katanov, Lenina str, 90, 655000, Abakan, Khakassia Republic, Russia
E-mail: *gipanova@mail.ru*

Representation of morphological forms as units of abstract grammatical system at the level of lexical units in word form and at the level of statements in the word form of syntaxeme is analyzed in the article from the position of separating different levels of existence of the grammatical structure. Considering the results of its meaningful interaction with the lexeme and the context (agreed or uncoordinated), three types of realization of morphological meaning in the structure of word forms and statements are distinguished. The article describes the levels of manifestation and differentiation of morphological homonymy, indicating the means of differentiation.

Key words*: morphological meaning, morphological form, word form, word form-syntaxeme, morphological homonymy.*

DOI: 10.18572/2687-0339-2020-1-23-26

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОГРАФИЧЕСКОМ ФОКУСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, НОМИНИРУЮЩИХ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА)

Е.И. Зиновьева
Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 7-9, 199034, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: *e.i.zinovieva@spbu.ru*

В статье рассматриваются критерии отбора и параметры лингвистического анализа русских прилагательных, называющих черты личности человека и являющихся значимыми в русской языковой картине мира, в русском языковом сознании. Каждый параметр сопровождается примерами анализа языкового материала – семантики и особенностей функционирования прилагательных, номинирующих свойства личности в русском языке, а также на иноязычном фоне. Определяются принципы, релевантные для описания данных прилагательных в словаре лингвокультурологического типа, предлагаются структура и образец словарной статьи.

Ключевые слова: *национальная идентичность, прилагательное, черты личности, лингвокультурографическое описание.*

В эпоху глобализации актуальным является вопрос сохранения национальной идентичности, культурного своеобразия, сохранения общих духовных ценностей. Академик В.А. Тишков справедливо полагает, что русская национальная идентичность базируется на общности национального языка и культурного багажа повседневной массовой культуры, общности истории, а также норм, образцов поведения [Тишков 2010: 16–17]. Для описания русской национальной идентичности наиболее интересен «образ для себя», который, по мнению К.С. Гаджиева, представляет собой понимание народомсамого себя как бы изнутри [Гаджиев 2011]. Подобный «образ для себя» формируется совокупностью черт личности, присущих народу. Объективной материальной базой для исследования этого образа является язык. В психологии способ выявления и описания черт личности человека «основан на изучении языка, на выборе из него слов, с помощью которых человек в реальной жизни с разных сторон характеризуется как личность» [Немов 2005: 184]. Психологи утверждают, что если считать имеющимися у человека все черты характера, которые по-разному называются в языке, то их число превысит 500 [Там же: 225].

Целью данной статьи явилось определение принципов лексикографического представления русских языковых единиц, номинирующих черты личности человека, в словаре лингвокультурологического типа.

Объектом исследования являются прилагательные, называющие черты (свойства) личности человека. Критерием отбора прилагательных служат: их известность современным носителям языка (по данным проведенного опроса 150-ти информантов различных возрастных групп от 18 до 86 лет); вхождение прилагательного в состав синонимического ряда или антонимической пары, что свидетельствует о важности номинируемого свойства для носителей языка, наличие контекстов функционирования прилагательного в материалах «Национального корпуса русского языка».

Базой для лексикографического описания являются результаты предварительно проведенного лингвистического анализа. На настоящий момент исследованы следующие прилагательные: *ушлый*, *застенчивый*, *порядочный, умный, хитрый, лукавый, уступчивый*; *правильный*, *успешный, мечтательный, самодостаточный, злой, болтливый* и некоторые другие [См., например, Зиновьева 2013, 2014; Зиновьева, Дракулич-Прийма 2017, 2019; Зиновьева, Кузнецов, Хруненкова 2018; Зиновьева, Хруненкова 2018; Алешин, Зиновьева, Хруненкова 2019].

Лексические единицы были проанализированы в соответствии со следующим принципом: комплексное исследование семантики, функционирования, прагматической составляющей и стилистической отнесенности лексемы в русском языке. Данный принцип предполагает следующую методическую реализацию:

1) ***Семантика прилагательного***. Значение прилагательного рассматривается по нескольким современным лексикографическим источникам. Если анализируемое слово входит в состав синонимического ряда, то обязательно выявляются дифференциальные по отношению к другим членам ряда семы, отмечается, какие единицы отличаются более широким объемом значения, происходит ли со временем расширение объема значения или его сужение, какие именно семы актуализируются в современной речи и т. п.

2) Очень важным параметром является ***сочетаемость***. Например, часто одно прилагательное *самодостаточный* не охватывает многих вкладываемых в это слово смыслов, тогда оно используется в одном контексте с прилагательными *самостоятельный, уверенный в себе,* даже *самоуверенный*. Эти лексемы уточняют и раскрывают семантику анализируемого прилагательного. Семантика данного прилагательного мо- жет конкретизироваться в контексте, актуализируются такие значения, как ‘независимый, не терпящий вмешательства в свои дела, не поддающийся чужому влиянию’ (Именно вну-

тренняя независимость, независимость от чужого мнения как основная сема значения прилагательного позволяет считать самодостаточность одной из отличительных черт личности русского человека).

Анализ сочетаемости, контекстов употребления позволяет уточнить степень проявления выражаемого прилагательным качества. Так, *уступчивым* человек может быть *до определенного предела* или *в мелочах*. Выходящая за рамки уступчивость характеризуется наречием *слишком*.

4) Следующий параметр характеристики – ***выражаемаяоценка***.

Оценка номинируемого прилагательным свойства личности может зависеть от системных связей в лексической системе. Например, нейтральное на языковом уровне с точки зрения оценочности прилагательное *уступчивый* (по данным толковых словарей), приобретает мелиоративную или пейоративную оценку в зависимости от того, в каких парадигматических отношениях оно рассматривается: включается ли оно в синонимическийряд *покладистый, мягкий, легкий* – положительная оценка, или в синонимический ряд *безвольный, беспомощный, беспринципный, бесхарактерный, бесхребетный, слабый* – отрицательнаяоценка.

Оценочность прилагательного может со временем меняться. Так, в настоящее время происходит расширение объема значения словосочетания «быть правильным», которое в большей степени остается положительным, при этом появляются и характеристики с отрицательной оценочностью, такие, как однообразие, скука, «запрограммированность». Наличие данных характеристик у правильного человека приводит к тому, что всё меньше молодых людей стремятся быть правильными, поскольку не хотят терять свою индивидуальность и абсолютно во всем следовать принятым в обществе нормам.

5) ***Грамматическая характеристика.*** Прилагательные могут употребляться или не употребляться в краткой форме; используются в формах сравнительной и превосходной степени; подвергаютсясубстантивации.

6) ***Стилистическая характеристика.*** Этот параметр характеристики прилагательных различается в словарях и в языковом сознании информантов – носителей современного русского языка. Например, часто единицу, которую словари относят к разговорному или просторечному стилю, анкетируемые классифицируютакнейтральную.

7) ***Прагматическая характеристика.*** Приведем следующие примеры наблюдений в соответствии с данным параметром. Прилагательное *порядочный* частотно при характеристике человека в русской разговорной речи, в дискурсах художественной литературы и публицистики. Тот факт, что в русском языковом сознании это стереотипное представле- ние занимает важное место, подтверждается, в частности, использованием прилагательного в текстах брачных объявлений. Качество, называемое этим прилагательным, отмечается мужчинами как достоинство при самооценке, это же свойство личности хотят видеть женщины в своем избраннике. *Успешный* человек – это (в том числе) тот, кто получил хорошее образование и состоялся в профессии. Данное значение актуализирует большое количество словосочетаний прилагательного с названиями профессий: *успешный бизнесмен, актер, телеведущий, адвокат, кинорежиссер, менеджер, пианист, продюсер, ресторатор, певица, модель* и др. Но следует отметить, что данный перечень профессий является ограниченным. Не встречаются такие, например, сочетания, как *успешный преподаватель, учитель, летчик, официант*.

8) Для верификации проведенного по лексикографическим и текстовым источникам анализа проводилось ***анкетирование*** информантов-носителей языка по специально разработанным анкетам, включающим несколькоблоковвопросов.

Сопоставление с другими языками позволяет ярче выделить национально-культурную специфику исследуемых русских лексем.

Например, понятие «самодостаточный» применительно к человеку в современном русском языке не имеет четкого однозначного определения, а отношение к самодостаточным людям зависит от степени проявления этого свойства личности. В целом *самодостаточный* человек воспринимается представителями русской лингвокультуры как счастливый человек, цельная независимая личность. Отрицательное отношение к самодостаточным людям проявляется в большей степени у женщин и мужчин в возрасте старше 40 лет, которые считают их самоуверенными, самовлюбленными, одинокими людьми. В шведской же лингвокультуре самодостаточность является, безусловно, отрицательной характеристикой человека, подчеркивая самодовольство, ограниченность, косность мировоззрения и неспособность воспринять иные точки зрения [Alyoshin, Zinovieva, Kuznetsov, Khrunenkova2018].

Стереотипное представление о человеке, называемом *лукавым*, в русской и сербской языковых картинах мира в основном совпадает. И в русском, и в сербском языковом сознании такой человек оценивается преимущественно отрицательно. Положительная коннотация является вторичной и встречается в контекстах, актуализирующих значение ‘смекалистый, изворотливый, ловкий’, однако только в русской лингвокультуре прилагательное *лукавый* вербализует значение ‘добродушно-хитрый’. Анализ показывает, что в двух славянских языках совпадает и метафорическая характеристика такого человека. Национальная специфика отражается в эталонах сравнения с прилагательным *лукавый* (которых в сербском языке намного больше) – зоонимах, именах собственных, наименованиях различных профессий и мифологических существ. В русском языке в том же значении преобладаютустойчивыесравнениясоснованием *хитрый*.

В целом можно сделать вывод о том, что сербскому прилагательному *лукав* по значению соответствует русское *хитрый*. В обеих лингвокультурах *хитрость* / *лукавство* – свойство определенных национальностей, с которыми русский и сербский народы исторически соприкасались. Но ср. в русском: *хитрый как еврей, хохол, татарин*, а в сербском – *лукав као Турчин, Чифутин*. В сербской ЯКМ лукавство чаще приписывается представителям собственного народа, чем в русском [Зиновьева, Дракулич-Прийма2019].

Представляется, что лингвокультурографическое описание прилагательных, называющих черты личности человека, должно опираться на перечисленные выше параметры их лингвистического анализа.

Принципами лингвокультурографического описания являются антропоцентрический подход, достаточность информации (при сжатой форме ее представления), преодоление противопоставления энциклопедического и лингвистического способов лексикографирования, положение о том, что в качестве основного критерия лексикографической минимизации необходимой экстралингвистической информации должен выступать языковой материал (что находит отражение в соотнесенности зон толкования значения и стереотипной характеристики и зоны иллюстративного материала, а также достаточном объеме иллюстративных употреблений для подтверждения выделяемых характеристик), принцип

эффективности описания, прагматическая ориентация (учет как русскоязычного, так и иностранного адресата), принцип простоты описания.

Макроструктуру словаря черт личности человека формирует словник – совокупность прилагательных, называющих свойства личности, расположенных в алфавитном порядке.

Целесообразно, на наш взгляд, выделить следующие облигаторные части словарной статьи: заголовочное слово с грамматической (указанием частеречной принадлежности и краткой формы прилагательного при условии ее употребительности) и стилистической характеристиками; зона толкования значения (**Т**); зона сочетаемости (**С**); стереотипное представление о человеке, номинируемом данным прилагательным (**СП**); оценочность (**О**); зона иллюстративных контекстов (📖). Факультативной зоной словарной статьи является зона переводческих аналогов в другом (или родном для иностранных учащихся) языке (**А**).

Приведем образец словарной статьи.

ПОРЯДОЧНЫЙ, *прил., порядочен, нейтр.*

Т: Честный и благородный, ведущий себя в соответствии с принятыми в обществе нормами поведения; не способный на низкие поступки.

С: *Порядочный человек, мужчина, порядочная женщина.*

СП: В стереотипном представлении о порядочном человеке в русском языковом сознании присутствует мотивированность словом *порядок*. Порядочный человек – это человек, поступающий нравственно, ответственный человек, не отступающий от выбранной линии поведения. Порядочный человек не рождается таковым, его порядочность – результат сознательных волевых усилий. Порядочный человек, с точки зрения стереотипного представления носителей русского языка, не является выдающейся личностью, эта характеристика человека воспринимается как нечто рядовое, обычное. Порядочный человек, по представлениям носителей русского языка, не способен на интриги, поведение, оцениваемое в целом как «низкое». По гендерному признаку выделяется поведение, на которое не способен *порядочный мужчина* в отношении женщины и, соответственно, ожидаемые от него поступки – не изменять любимой, жениться, если женщина ждет от него ребенка и т. п. Существуют стереотипные представления о том, как должен себя вести порядочный представитель той или иной профессии, человек, занимающийся определенным видом деятельности: например, порядочный водитель не поедет под «кирпич». Порядочность проверяется в определенных ситуациях, ставящих человека перед выбором. Существует негласная норма порядочности, что эксплицируется при сочетании прилагательного с наречиями: *вполне порядочный, очень порядочный*. Порядочный сверх негласной нормы человек маркируется наречиями *исключительно, слишком, на редкость, клинически, неисправимо порядочный.* Порядочному человеку жить не просто, он часто оказывается несчастливым, бессильным перед подлецом, может восприниматься как неудачник. Критерии отнесения человека к категории порядочных субъективны, что обусловлено разным отношениемк томусводуправил, которымичеловекруководствуется в своем поведении.

О: Однозначно мелиоративно.

(📖) Если обратиться к определениям репутации и ***порядочного*** человека, по Далю, то окажется, что современные исследования и практические рекомендации по управлению репутацией практически исчерпывают суть проблемы, ибо репутация – «молва, кто кем слывет, добрая или злая», а «***порядочный*** человек»– «человек, поступающий по порядку, как должно», т.е. ***порядочный*** человек – это, почти по Конфуцию, нравственно развитый человек, о котором в соответствии со степенью развитости и идет молва. *Петр Шихирев. Природа социального капитала: социально-психологический подход // «Общественные науки и современность», 2003.04.30*; Главное другое – выйдя на дистанцию, при условии, что ты ***порядочный*** человек и осознаешь всю меру принятой ответственности, ты уже не можешь и не должен с нее сходить. *Светлана Данилова. «Я во многом осталась простой обывательницей» // «Дело» (Самара), 2001.01.12*; Кстати, когда я говорю добро и зло, имея в виду ***порядочного*** человека и подлеца, я имею в виду людей, имеющих нравственные понятия – о том, что есть хорошо, а что дурно, – независимо от того, каковы эти люди от природы: ***порядочный*** человек от рождения может быть не во всем хорош и даже совсем не хорош, но благодаря усилиям воли своей будет жить человеком ***порядочным***; и наоборот, негодяй от рождения может быть вовсе не так уж плох – опять же своим умом, следуя своим принципам, своей волей он живет негодяем… *Сергей Бабаян. Ротмистр Неженцев. 1995–1996*; И надо сказать, что это был счастливый брак, не только для карьеры Алексея Ивановича, но и потому, что Рада Никитична на редкость хороший человек, скромный и ***порядочный***, пользующийся всеобщим уважением. *Борис Ефимов. Десять десятилетий. 2000*; Он, безусловно, не был ангелом с белыми крылышками (а кто им был!), но он честный и ***порядочный*** человек. *Борис Ефимов. Десять десятилетий. 2000*; Если бы я вернулась (а это еще бабушка надвое сказала), он должен был бы жениться, у него не было выбора, он же ***порядочный***. *Василий Катанян. Лиля Брик. Жизнь. 1999*; ***Порядочный*** и грамотный врач из арсенала современных лекарств всегда подберет вам наиболее приемлемое, в том числе и по цене. *Ольга Извекова, Ирина Костицина. Купленные врачи // «Аргументы и факты», 2001.06.06*; Умница, интеллигент, в высшей степени ***порядочный*** человек. *Егор Булыкин. Как сделать карьеру // «Семья», 2000.01.19*; Юлия Федоровна была сдержанный, ***исключительно порядочный*** человек, все у нас в семье, все Мотины сестры любили ее. *Г.Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды. 1999*; Он бы погиб, он был ***абсолютно порядочный***… *Василий Катанян. Прикосновение к идолам. 1998*;Мишель – человек ***глубоко порядочный***, он не способен на низменные интриги. *Сати Спивакова. Не всё. 2002*; Каждый ***порядочный*** человек рано или поздно проходил через это испытание, через этот выбор: карьера или сохранение собственного достоинства. *Константин Феоктистов. Траектория жизни. 2000*; ***Порядочный*** человек – тот, который не может предать. *Борис Немцов. Провинциал вМоскве.1999*.

А: в англ. яз. ***decent***.

Литература

1.Алешин А.С., Зиновьева Е.И., Хруненкова А.В. Мечтательный человек в русской лингвокультуре на фоне шведской // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания в иностранной

аудитории. Материалы международной научно-методической конференции, посвященной 45-летию кафедры русского языка как иностранного и межкультурной коммуникации (13-14 апреля 2019 г., г. Орел, ОГУ имени И.С. Тургенева). – Орел: ООО «Картуш – ПФ», 2019. С. 19–23.
2. Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. №10 // Режим доступа: http://vphil.ru/
3. Зиновьева Е.И. Болтливый в русской лингвокультуре //Rocznik Institutu Polsko-Rosyjskiego Ежегодник Русско-польского Института. № 1 (4) 2013. Wrocław. С. 81-94.
4. Зиновьева Е.И. Стереотипное представление о порядочном человеке в русском языковом сознании // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Челябинск, №7. 2014. С. 290–302.
5. Зиновьева Е.И., Дракулич-Прийма Д. Лукавый и лукав в русской и сербской языковых картинах мира // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 30–39.
6. Зиновьева Е.И., Дракулич-Прийма Д. Хитрый и хитар в языковом сознании носителей родственных языков (на материале русского и сербского языков) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 25–33.
7. Зиновьева Е.И., Кузнецов Ю.А., Хруненкова А.В. Уступчивый как одна из черт национального характера в русской ментальности: лингвистический аспект // Русистика и современность. Монография под ред. проф. И.П. Лысаковой, доц. Е.А. Железняковой. Часть 1. СПб., 2018. С. 47–54.
8. Зиновьева Е.И., Хруненкова А.В. «Правильный человек» в русской языковой картине мира // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков. Сборник научных статей. Под общей ред. М.В.Пименовой. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского гос. экономического университета, 2018. С. 335–345.
9. Немов Р.С. Общая психология. Краткий курс. СПб.: Питер, 2005. 304 с.
10. Тишков В.А. Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа. СПб.: СПбГУП, 2010. 36 с.
11. Aleksey Alyoshin, Elena Zinovieva, Yury Kuznetsov, Anna Khrunenkova. The language portrait of a ‘self-sufficient person’ in modern Russian linguoculture against the background of the Swedish one // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018, SGEM 2018 Conference Proceedings 26 August – 1 September, 2018, Vol. 5, Issue 3.6. P.635–642.

RUSSIAN NATIONAL IDENTITY IN LINGUOCULTURAL AND LEXICOGRAPHICAL FOCUS (ON THE MATERIAL OF ADJECTIVES NOMINATING HUMAN PERSONALITY TRAITS)

E.I. Zinovieva
St. Petersburg State University, Universitetskaya nab., 7-9, 199034, Saint-Petersburg, Russia
E-mail: *e.i.zinovieva@spbu.ru*

The article discusses the selection criteria and parameters of linguistic analysis of Russian adjectives nominating human personality traits and being significant both in the Russian language picture of the world and in the Russian language consciousness. Each parameter is accompanied by examples of the analysis of language material, i.e. semantics and features of the functioning of adjectives nominating personality traits in Russian, and also on a foreign language background. The article defines some principles relevant to the description of these adjectives in the dictionary of linguocultural type and proposes the structure and sample of the dictionary article.

Key words*: national identity, adjective, personality traits, linguocultural and lexicographical description.*

DOI: 10.18572/2687-0339-2020-1-27-31

КАК БЕЛАЯ «КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦА» ПРЕВРАТИЛАСЬ В КРАСНУЮ. О НЕОЖИДАННЫХ ПРОТОТИПАХ ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ ПОВЕСТИ АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО «ГАДЮКА»

Б.В. Соколов
Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI)
E-mail: *bvsokolov@yandex.ru*

Статья посвящена реальным прототипам главной героини повести А.Н. Толстого «Гадюка» (1928) Ольги Зотовой. В качестве прототипов рассматриваются белые «кавалерист-девицы» баронесса С.Н. де Боде и М.В. Захарченко-Шульц. Сделан вывод о том, что Толстой, мало знакомый с реалиями гражданской войны со стороны Красной Армии, использовал для создания образа девушки-красноармейца материалы, связанные с женщинами, сражавшимися в рядах белых. Делать же героиней белую «кавалерист-девицу» было невозможно по цензурным условиям.

Ключевые слова: *А.Н. Толстой, «Гадюка», русская литература 1920-х годов, гражданская война, русская эмиграция.*

Повесть Алексея Толстого «Гадюка» была впервые опубликована с подзаголовком «Повесть об одной девушке» в восьмой книге журнала «Красная Новь» за 1928 год и с авторской датой: «15 июля 1928 года». Эта повесть – о красной «кавалерист-девице» Ольге Вячеславовне Зотовой, которая навсегда осталась «на той далекой, на гражданской», не смогла вписаться в мирную жизнь эпохи нэпа и совершила убийство своей счастливой соперницы. Работу над «Гадюкой» Толстой начал в конце июня 1928 года, только что завершив роман «Восемнадцатый год». В письме к Н.В. Крандиевской-Толстой в конце июня или в начале июля 1928 года он сообщал: «Я начал писать рассказ, очень трудный, и работа идет медленно и трудно. Не знаю – должно быть, сказывается усталость после романа. Всё же надеюсь в десять дней его закончить» [Толстой 1972: 387].

Широко известно, что прототипом главной героини «Гадюки» послужила хорошая знакомая Толстого – Татьяна Сергеевна Сикорская (Шишкова) (1901–1984), ставшая впоследствии известным переводчиком поэзии. В повести в сильно преображенном виде, в соответствии с тогдашними идеологическими установками, отразилась судьба ее отца, инженера Сергея Александровича Шишкова (1857–1918), совладельца Сюгинского стекольного завода в Елабужском уезде Вятской губернии и дальнего родственника Толстого. После национализации завода в апреле 1918 года он уехал в Казань, но в октябре того же года был арестован на одной из станций вблизи Казани и расстрелян в рамках «красного террора». А его жена, мать Т.С. Сикорской, умерла от тифа. В повести же родителей Ольги убивают не чекисты, а уголовник и белогвардеец Валька Брыкин со своей бандой. Хотя в повести всё же упоминалось, что после взятия красными Казани «половина жителей в ужасе перед красным террором бежала на край света» [Толстой 1972: 76]. Однако никаких проявлений «красного террора» в повести Толстого нет. Главное же, Сикорская никогда не воевала в рядах Красной Армии, да еще в кавалерии. Писать же и переводить идеологически выдержанную поэзию она начала из-за необходимости заработать на кусокхлеба.

В Красной Армии сколько-нибудь известных «кавалерист-девиц» не было. А вот в белой армии их было целых две – прапорщик баронесса София Николаевна де Боде (1897–1918) и унтер-офицер Мария Владиславовна Захарченко-Шульц, урожденная Лысова (1893–1927). И об обеих Толстой наверняка слышал и читал. Ведь баронесса де Боде после своей гибели в кавалерийской атаке под Екатеринодаром 13 апреля 1918 года стала одной из культовых героинь

белого движения, и о ней писали в белых и эмигрантских газетах. Захарченко-Шульц тоже была одной из белых культовых героинь, а всплеск публикаций о ней в эмигрантской прессе пришелся на 1927–1928 годы, в связи с ее гибелью 23 июня 1927 года в ходе чекистской операции «Трест». Интересно, что работу над «Гадюкой» Толстой начал как раз через год после гибели Марии Владиславовны, да и отчество у героини похожее – Вячеславовна. Была еще и третья женщина, которая могла бы претендовать на звание белогвардейской «кавалерист-девицы». Это – вторая жена белого генерал-лейтенанта Якова Александровича Слащева (1886–1929) Нина Николаевна Нечволодова, служившая у него ординарцем. Но, в отличие от де Боде и Захарченоко-Шульц, она маскировалась под мужчину – «юнкера Нечволодова», хотя в штабе Слащева это, конечно же, было секретом Полишинеля. Ее известность, однако, была не сравнима с известностью де Боде и Захарченко-Шульц. Нечволодову знали лишь в круге Слащева. В конце 1921 года она вместе с Яковом Александровичем вернулась в Советскую Россию. Однако до сих пор мы не знаем ни биографии Н.Н. Нечволодовой, ни годов ее рождения и смерти. В отличие от де Бодэ и Захарченко-Шульц, нет сведений о жестокости Нины Николаевны к своим врагам. Теоретически Толстой мог встречаться с Нечволодовой в СССР, но никаких данных об этом нет.

О баронессе де Боде сохранилась масса свидетельств. Находясь в эмиграции, Толстой мог слышать о ней от офицеров, сражавшихся вместе с ней, и читать о баронессе очерки и воспоминания в эмигрантских изданиях, как тогда, так и после возвращения на Родину. Вот как характеризовал ее журналист и писатель Владимир Александрович Амфитеатров-Кардашев (1888–1942): «Де Боде хладнокровно и беспощадно расправлялась с пленными, правда, никогда не подвергая их лишним мучениям. Но очевидцы говорили мне, что нестерпимо жутко было видеть, как к толпе испуганных пленников подскакивала молодая девушка и, не слезая с коня, прицеливалась и на выбор убивала одного за другим. И самое страшное в эти минуты было ее лицо: совершенно каменное, спокойное, с холодными, грозными глазами [Амфитеатров-Кадашев 1996: 579]. Бывший донской атаман генерал П.Н. Краснов в своем романе «От Двуглавого орла к красному знамени» вывел баронессу де Боде под именем баронессы Борстен: «По улице красивым галопом, на хорошей кровной лошади скакала одетая в мужское платье молоденькая девушка. Ее бледное лицо с большими серыми, узко поставленными глазами было ненормально оживлено. Это была баронесса Борстен. Два месяца тому назад на ее глазах солдаты-дезертиры сожгли ее имение, привязали ее отца к доске и бросали на землю доску спривязанным бароном до тех пор, пока он не умер и глаза не вылетели из орбит. На ее глазах солдаты насиловали ее мать и ее двенадцатилетнюю сестру. Ей грозила та же участь. Но вдали показались германские войска, и солдаты, бросив ее, разбежались. Она поклялась отомстить. Она пробралась на Дон и поступила рядовым в Добровольческую Армию. Лихая, красивая, отличная наездница, она скоро снискала себе общее уважение. Мало кто знал ее историю. Ее считали ненормальной за ее суровую ненависть к большевикам, но добровольцы преклонялись перед ее сверххладнокровием в опасности. Когда она видела серые шинели без погон, задранные на затылке папахи, челки неопрятных волос, по-женски выпущенные на лоб, наглые еврейские фигуры в офицерских френчах с алыми повязками на руках, странная усмешка кривила ее нежные, еще пухлые губы, и зубы хищно показывались из-за них. В серых глазах загорался огонь. Страшные воспоминания бороздили ее мозг. Сверхчеловеческая страсть загоралась в глазах, и редкий доброволец мог тогда прямо смотреть в эти мечущие искры прекрасные глаза. Зрачок почти исчезал в сером стальном райке, и тем острее горел из него жестокий внутренний огонь. В эти минуты ее руки становились железными. Даже лошадь под нею, чувствуя напряжение ее воли, становилась покорной и, казалось, понимала, без указания мундштука, ее желания». Далее следует описание расстрела баронессой пленных красноармейцев, после чего она «не спеша, сложила свой маузер, повесила его на бок, с тихим вздохом, подобным вздоху удовлетворенной страсти, подобрала пово- дья и, еще раз окинув потухшим, усталым взглядом убитых ею большевиков, шагом поехала по селу...»[1] [Краснов 1992]. Роман Краснова был впервые издан в 1921–1922 годах, и Толстой его наверняка читал. Отметим, что де Боде к моменту своей гибели оставалась девственницей, как и героиня Толстого к финалу повести.

Основным прототипом Ольги Зотовой, как нам представляется, послужила Мария Захарченко-Шульц. После гибели своего первого мужа, капитана лейб-гвардии Семеновского полка Ивана Сергеевича Михно (1882–1915), от которого она родила дочь, По Высочайшему разрешению Мария Владиславовна под фамилией Михно в начале 1915 года поступила вольноопределяющимся в 3-й Елизаветградский гусарский полк. Она участвовала в боях и получила два Георгиевских креста и звание унтер- офицера. Вот один из ее подвигов. В 1916 году в Добрудже эскадрон гусар под командой штабс-ротмистра фон Баумгартена занял одну болгарскую деревню.

[1] В действительности судьба семейства де Боде была значительно более благополучной, чем семьи героини Краснова. Реальная же София Николаевна могла мстить большевикам только за своего брата Льва, штабс-ротмистра 2-го Драгунского полка, арестованного большевиками в конце 1917 года и, скорее всего, расстрелянного. (https://ru-history.livejournal.com/4085057.html)

Въехав на коне в какой-то двор, Мария Владиславовна натолкнулась на болгарского пехотинца. Не растерявшись, она стала кричать на него таким неистовым голосом, что солдат растерялся, бросил винтовку и сдался в плен. Впоследствии он был сконфужен, узнав, что его пленила молодая женщина [Светлой памяти Марии Захарченко 2003: 16]. Аналогичный эпизод есть в «Гадюке», где казак гибнет, поскольку оказывается потрясен, что против него – женщина: «…в эту минуту на нее сзади наскочил второй всадник... Увидела только его длинные усы, большие глаза, выпученные изумленно: "Баба!" – и его занесенная шашка вяло звякнула по стволу карабина Ольги Вячеславовны. Лошадь пронесла его вперед. В руках у нее уже не было карабина – должно быть, швырнула его или уронила (впоследствии, рассказывая, она не могла припомнить); ее рука ощутила позывную, тягучую тяжесть выхваченного лезвия шашки, стиснутое горло завизжало, конь разостлался в угон, настиг, и она наотмашь ударила. Усатый лег на гриву, обеими руками держась за затылок» [Толстой 1972:84–85].

Первый биограф Захарченко-Шульц Николай Александрович Цуриков (1886–1957) писал: «Мария Владиславовна уже с самого начала боевой жизни проявляет два основных свойства. Она всегда скромная, исключительно тактичная, она как-то умеет не терять своей женственности, даже в обстановке самой страшной, боевой страды. Ничего «бутафорского», ничего маскарадного с явными следами (всем нам известного во время и Великой и Гражданской войны) «театрального переодевания» – в ней никогда не было. Не только офицеры, но и солдаты, в которых женщины-доброволицы зачастую вызывали, если и не прямое недоброжелательство, то смех, удивляются ей, уважают ее и серьезно чтут. И другое свойство: она была не только энтузиастом, заражающим своей беззаветной храбростью самых заурядных людей и увлекающих за собой других. Ей было дано и другое. И это особенно сказалось в последний период ее жизни, в период революционной борьбы в России. Она не только сама идет в опасность и этим увлекает других, но и умеет властно подчинить себе людей, умеет не только идти, но и вести за собой…. Речь быстрая, отрывистая, всегда почти с нервным подъемом, горячностью она и заражала многих. Она обладала даром влиять на других. В ней замечались черты веселой удали и какая-то русская солдатская простота. Пафоса и громких фраз она не любила. Одета она была всегда легко и просто по-походному». Еще он отмечал, что «со временем лицо ее огрубело и трудно было отличить Марию Владиславовну от обыкновенного солдата» [Цуриков 1927]. Эта характеристика полностью совпадает с характеристикой Ольги Зотовой, которую и в мирной жизни соседи воспринимают как демобилизованного красноармейца.

По словам Цурикова, «обладая невероятным тактом, Мария Владиславовна удивительно сумела себя поставить в этой новой, столь трудной обстановке, сразу же снискав к себе глубокое уважение соратников-офицеров и любовь и преданность солдат. Ее беззаветная храбрость и невероятная выносливость вызывали неизменное удивление и уважение всех, видевших ее в деле… Нет возможности перечислить все бои и разведки, участницей коих она была. Имя ее, безусловно, займет видное место в истории боевой деятельности Елизаветградского полка» [Цуриков 1927].

В конце 1917 года Захарченко-Шульц вернулась в Пензу. Здесь она, по утверждению Цурикова, тайно занималась отправкой офицеров-добровольцев на Восточный фронт. Из Пензы она уехала в Москву, где, по словам ее первого биографа, ночью «охотилась на комиссаров» [Цуриков 1927]. Весной 1918 года она вышла замуж за друга своего покойного мужа Григория Алексеевича Захарченко, офицера 15-го уланского Татарского полка. Кружным путем через Персию они добрались в начале 1919 года до Новороссийска. Здесь Захарченко возглавил Кавказский кавалерийский полк в Вооруженных силах Юга России, а жена служила при нем ординарцем. Осенью 1920 года оба были тяжело ранены в бою под Каховкой. Захарченко умер от ран, а Мария Владиславовна выжила и вместе с армией Врангеля эвакуировалась в Галлиполи. Осенью 1921 года она перебралась в Сербию, а в 1922–1923 годах жила в Берлине и Париже. Теоретически Толстой мог встречаться с ней, но это маловероятно. Захарченко-Шульц потеряла на войне двух своих мужей, подобно тому, как Зотова потеряла на войне своего возлюбленного – красного командира Емельянова.

В эмиграции Захарченко познакомилась с капитаном Лейб-Егерского полка Георгием Николаевичем Радковичем (1898–1928), ставшим ее третьим мужем. В октябре 1923 года под именем супругов Шульц они переправились в Советскую Россию по поручению генерала Александра Павловича Кутепова (1882–1930), который в Русской армии Врангеля возглавлял организацию, ответственную за связь с антисоветским подпольем. Переход через границу осуществлялся по линии организации «Трест» – легендированной чекистами монархической организации, созданной для разложения белой эмиграции и предотвращения ее активных действий в СССР, а также для дезинформации иностранных разведок. Ни Захарченко, ни Радкович не подозревали о провокации. Характерно, что у Толстого в мирной жизни Ольга устраивается работать в Трест цветных металлов, а ее новый возлюбленный – хозяйственный директор Махорочного треста. Здесь, возможно, перед нами – пародия на Александра (Эдуарда) Оттовича Опперпута-Стауни-

ца (Упиеньша) (1895–1927), агента ОГПУ, игравшего роль финансового директора «Треста», ставшего любовником Марии Владиславовны и, в конце концов, разоблачившего чекистскую провокацию.

15 октября 1927 года в газете «Россия» была опубликована статья В.В. Шульгина «Послесловие к «Трем столицам»», где он описал историю «Тре- ста». Эту статью Толстой наверняка читал. А много лет спустя в мемуарах так охарактеризовал Захарчен- ко-Шульц, с которой встречался во время проходив- шей под контролем ОГПУ поездки в Москву в конце 1925 – начале 1926 года: «Я был отдан Марии Владиславовне Захарченко-Шульц и ее мужу под специальное покровительство. Муж ее был офицер… По ее карточкам, снятым в молодости, это была хорошенькая женщина, чтобы не сказать красивая. Я ее узнал уже в возрасте увядания, но всё-таки кое-что сохранилось в чертах. Она была немного выше среднего роста, с тонкими чертами лица. Испытала очень много, и лицо ее, конечно, носило печать всех испытаний, но женщина была выносливой и энергии совершенно исключительной… она работала «на химии», то есть проявляла, перепечатывала тайную корреспонденцию, которая писалась химическими чернилами… Мне приходилось вести откровенные разговоры с Марией Владиславовной. Однажды она мне сказала: «Я старею. Чувствую, что это последние мои силы. В „Трест“ я вложила всё, если это оборвется, я жить не буду»[Гладков 2000: 140; Шульгин 2002: 511, 515]. Эта характеристика во многом приложима и к героине Толстого. Автор «Гадюки», хотя и не мог читать приведенные выше строки Шульгина, думается, увидел в Захарченко-Шульц человека, который так навсегда и остался на поляхсражений гражданской войны, которые для нее стали смыслом жизни, и не мог вписаться в мирную реальность ни эмиграции, ни нэпа.

Финал «Треста» известен. В апреле 1927 года Опперпут-Стауниц, Захарченко-Шульц и Радкович бежали за границу, где Опперпут разоблачил в эмигрантской прессе «Трест» как чекистскую провокацию. В том же 1927 году Мария Владиславовна и Эдуард Оттович вернулись в СССР для осуществления терактов. После неудачной попытки взорвать общежитие ОГПУ в Москве Захарченко и Опперпут погибли в перестрелках с чекистами. Согласно одной из версий, Мария Владиславовна застрелилась. По этому поводу В.В. Шульгин писал много лет спустя: «В первом сообщении ТАСС говорилось, что Захарченко-Шульц погибла в перестрелке. Во втором, позднейшем, – что она застрелилась. Вернее, конечно, первое» [Шульгин 2002: 515]. У Толстого Зотова, явившись в милицию заявить о своем преступлении, говорит: «Я сейчас должна умереть…», но начальник отделения милиции вырывает унее из рукревольвер.

В целом Толстой красных, включая бойцов и командиров Красной Армии, не любил и не знал, почему и не создал в «Хождении по мукам» сколь- конибудь запоминающихся образов представителей большевистского лагеря. Друживший с Толстым американский журналист Юджин Лайонс (1898–1985) в 1953 году выпустил книгу «Наши секретные союзники – народы России». Здесь впервые было употреблено выражение «Гомо советикус», тоже, как кажется, имеющее в основе русский источник – еще в 1918 году философ о. Сергий Булгаков в «современных диалогах» «На пиру богов» говорил о появлении в России «Гомо социалистикуса». Лайонс доказывал, что новый человек, сформировавшийся в СССР, «Гомо советикус», существо с мучительно раздвоенным сознанием, советскую идеологию воспринимает лишь по необходимости, из чувства самосохранения, в глубине души оставаясь русским патриотом и противником большевизма. Эта его подлинная сущность рано или поздно проявится и сделает его союзником Запада в начавшейся «холодной войне». В качестве примера «Гомо советикуса» Лайонс привел Алексея Толстого, с которым был близко знаком. Однажды Лайонс с женой были на вечере в особняке Толстого в Детском Селе, стены которого украшали эрмитажные гобелены и картины. Стол ломился от вин и закусок, хотя в то время горожане сидели на карточках, а крестьяне пухли с голода. После изрядной выпивки хозяин вдруг пригласил американца наверх в мансарду, где располагалась его библиотека. В комнате Лайонс увидел массивный рабочий стол в центре и множество книг по стенам. Из окна открывался типично русский пейзаж: деревянная церковь, коровы на лугу, мужики за работой. Толстой показал Лайон- су посмертную маску Петра Великого, над романом о котором как раз работал. Затем обернулся к окну и тихо сказал: «Джин, вот это настоящая Россия, моя Россия… Остальное – обман. Когда я вхожу в эту ком- нату, то стряхиваю с себя советский кошмар, закрыва- юсь от его зловония и ужаса. На то малое время, пока я со своим Петром, я могу сказать этим мерзавцам (это слово Лайонс процитировал по-русски): идите к чертям… В один прекрасный день, поверьте, вся Рос- сия пошлет их к чертям… Это всё, что я хотел, чтобы вы знали. А теперь вернемся к гостям».

Лайонс так прокомментировал этот монолог: «Хотя он больше никогда не высказывал мне своих подлинных чувств, это осталось между нами тихим секретом. С тех пор всегда, когда я слышу рассуждения о том, что приверженный традиции русский человек умер, что его заменил роботоподобный «Гомо советикус», я вспоминаю тот случай в библиотеке. Это был один из многочисленных случаев, которые убедили меня, что поверхностный слой советского конформизма может быть очень тонким. Сотниразъ

я видел, как под воздействием водки или еще более пьянящей обстановки конфиденциальности, этот слой разрушался, и вскоре перестал удивляться, когда люди, на виду у всех казавшиеся образцами правоверных коммунистов, внезапно начинали ругать всё советское. Одержимость Толстого эпохой Петра была, в определенном смысле, бегством от ненавистного настоящего. Были и другие, кто пытался спрятаться в прошлом, в произведениях на историческую тему, чтобы избежать необходимости врать о современности» [Lyons 1953: 370–371].

В «Гадюке» образ Ольги Зотовой получился чрезвычайно запоминающимся, живым и написанным с определенной симпатией во многом потому, что прототипами ее послужили представители хорошо знакомого писателю белого лагеря – баронесса С.Н. де Боде и М.В. Захарченко-Шульц. В доступных Толстому в 1927–1928 годах источниках о жестокости Марии Владиславовны если и говорилось, то очень вскользь. Жестокость для своей героини писатель взял от баронессы де Боде, хотя, конечно, по цензурным соображениям не мог позволить своей героине расстреливать пленных. Но писатель не скрывает своей симпатии к героине и своего сочувственного отношения к ней, представляя Зотову не как закоренелую злодейку, а как жертву трагически сложившихся обстоятельств Толстой хорошо знал правила игры и прекрасно понимал, что сочувственно изобразить белую «кавалерист-девицу» вповести, предназначенной для публикации в СССР, абсолютно невозможно. Поэтому белых прототипов пришлось преобразовать в девушку-красноармейца.

Литература

1. Амфитеатров-Кадашев В.А. Страницы из дневника. Публикация С.В. Шумихина // Минувшее: Исторический альманах. 20. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1996. С. 435–635.
2. Гладков Т.К. Награда за верность казнь. М.: Центрполиграф, 2000. 358 с.
3. Краснов П.Н. От Двуглавого орла к красному знамени. В 2 т. Том 2. М.: Айрис-пресс, 1992. 505 с. Часть 7-я, глава XVII, http://az.lib.ru/k/krasnow_p_n/text_0330.shtml [Вхождение 30 апреля 2019] 4. Светлой памяти Марии Захарченко // Вестник РОВС, 2003, № 6–7. С. 14–19.
5. Толстой А.Н. Собрание сочинений. В 8 т. М.: Правда, 1972. Том 4. 392 с.
6. Цуриков Н.А. За Россию. Марья Владиславовна Захарченко-Шульц // Россия, Париж, 1927, 12 ноября (Цит. по: Янчаускас, Томас. Кавалерист-девица Мария Захарченко // Всенародная книга памяти Пензенской области, 2014, 5 апреля, http://dmitrovsk1943.mybb.ru/viewtopic.php?id=11782 [Вхождение 30 апреля 2019]
7. Шульгин В.В. Последний очевидец. М.: Олма-пресс, 2002. 588 с.
8. Lyons, Eugene. Our Secret Allies: The Peoples of Russia. London: Arco Publications Ltd, 1953. VIII. 376 p.

AS A WHITE “TROOPER-MAIDEN” TURNED INTO A RED ONE. ABOUT UNEXPECTED PROTOTYPES OF THE MAIN CHARACTER OF ALEXEI TOLSTOY’S STORY “VIPER”

B.V. Sokolov
Association of the researchers of the Russian society (AIRO-XXI)
E-mail: *bvsokolov@yandex.ru*

The article is devoted to the real prototypes of the main character of the story A.N. Tolstoy “Viper” (1928) Olga Zotova. The white “trooper-maidens” Baroness S.N. de Bode and M.V. Zakharchenko-Schultz are considered as the prototypes. It is concluded that Tolstoy, who was little familiar with the realities of the Civil war on the part of the Red Army, created the image of a Red Army girl-soldier, using materials related to women who fought in the ranks of the White. It was impossible under censorship conditions to create the white “trooper-maiden” as a main character of a Soviet story.

Key words*: A.N. Tolstoy, “Viper”, the Russian literature of the 1920s, the Civil war, the Russian emigration.*

DOI: 10.18572/2687-0339-2020-1-32-36

ПОЛИСИНДЕТОН КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ ЭМФАЗЫ В ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИРИКЕ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

М.К. Лопачева
Санкт-Петербургский государственный институткультуры, Дворцоваянабережная, 2, 191186, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: *lopacheva03@mail.ru*

На материале эмигрантской лирики Георгия Иванова рассматриваются гармонизирующая и смыслообразующая функции такой стилистической фигуры, как полисиндетон. Выбирая полисиндетон, поэт умело пользовался его способностью придавать тексту интонационное единство и экспрессию. Период, многосоюзие, хиазм и другие объединяющие приемы и фигуры наряду с гармонизацией в стихах Иванова выражали вполне определенную смысловую интенцию: несмотря на трагическое восприятие поэтом катастрофичности эпохи «распада атома», контрапунктом транслировали его убеждение в спасительной силе целостности.

Ключевые слова*: полисиндетон, анафора, период, Георгий Иванов, эмфаза.*

Диапазон оценок зрелой лирики Георгия Иванова в литературной среде эмигрантов первой волны был весьма широк – от восторженного провозглашения автора Князем русской поэзии и Первым поэтом русской эмиграции до абсолютного неприятия, обвинений в цинизме и бездуховности. Однако и поклонники, и недруги сходились в отношении к мелодической силе его стихов, которые зачаровывали, как писал в 1963 г. Ю.К. Терапиано, «музыкой и каким-то особым, простым и в то же время неповторимо-чудесным сочетанием слов, они сами собой приходят на память, звучат в ответ нашим душевным состояниям, навсегда запоминаются» [Терапиано 2014: 223]. Правда, в результате унекоторых читателей странное сочетание завораживающей мелодичности и мрачного содержания стихов вызывало беспокоившее их впечатление двойственности, о чем как о некоем «пороке» поэзии Г. Иванова вспоминал Г.В. Адамович: «…стихи всегда приятные, хорошенькие. А сущность ужасная. Тут противоречие. Должны бы ужасать, колоть, а не приятно звучать» [Адамович 2002: 148–149]. Безусловно, это противоречие в случае Иванова отнюдь не «порок», а в определенном смысле конфликт, который придает его текстам особый драматизм, ибо, утверждал Ю.М. Лотман, любые «элементы, являющиеся в языке формальными, могут приобретать в поэзии семантический характер, получая дополнительные значения» [Лотман 1996: 47].

Именно в эмиграции, начиная со сборника «Розы» (1931), диониссийская музыкальная стихия берет верх над визуально-пространственной образностью раннего Г. Иванова, в юности послушно следовавшего аполлоническим установкам акмеизма, что находило выражение в тяготении к экфрастичности, предметности натюрморта, «галантной» живописности в стиле Антуана Ватто, чьим страстным поклонником был молодой поэт. Музыкальный строй зрелого Иванова выдает его подлинную поэтическую родословную, восходящую к классической просодии – мелодической традиции русской поэзии, идущей от Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Тютчева и Фета к Анненскому, символистам. Все названные поэты, а также Сологуб и Блок обильно представлены в интертекстемах ивановской лирики[1]. Кроме того, принадлежность именно к этой линии, а не к тропеической тенденции, в значительной степени характерной для Серебряного века, обнаруживают и пристрастия Иванова к определенным приемам звуковой организации текста, в первую очередь, к различным видам повтора, виртуозно использовавшегося символистами и прежде всего А. Блоком. Именно поэтика символизма, писала И.И. Ковтунова, «резко усиливает

[1] См. подробнее: Лопачева М.К. Радость отраженья (Иннокентий Анненский в художественном сознании Георгия Иванова) // Русская литература. 2008. № 4. С. 3–22;
Лопачева М.К. О блоковском подтексте эмигрантской лирики Георгия Иванова // Проблемы поэтики в русской прозе XX–XXI веков. СПб., 2009. Вып. 22. С. 3–19. Сер. «Литературные направления и течения» и др.

наложение сходства на смежность, устанавливая такое сходство на всех уровнях», а высокая степень концентрации повторов, «охватывавших весь текст, создавала повышенную музыкальность стиха и служила выражению многозначного, неопределенного, уходящего в бездонную глубину смысла» [Очерки истории 1990: 12]. Разнообразные формы традиционных повторов, бросающаяся в глаза частота их использования в ивановской лирике говорят о том, что возможности этого способа гармонизации текста отнюдь не исчерпали себя в эпоху символизма.

Особое место в ряду стилистических фигур, основанных на повторах, принадлежит полисиндетону. В современной лингвостилистике этот известный с античных времен прием, суть которого – избыточный повтор служебных частей речи (союзов, предлогов и частиц), рассматривается как эффективнейшее средство усиления лексической экспрессивности и гармонизации художественного текста. Усилительно-выделительная функция полисиндетона, отмечает М.В. Веккессер, «заключается в том, что избыточный повтор союза является своего рода актуализатором фрагмента текста или всего текста в целом <…>, а это приводит к усилению различных смысловых и эмоционально-экспрессивных значений» [Веккессер 2007: 13]. Важнейшую функцию выполняет полисиндетон в поэтическом тексте. Выражая симметрию вертикального и горизонтального его строения, он является, заключает Ф.И. Джаубаева, «фигурой почти математического свойства», ибо «указывает на общую вариативную повторяемость в системе текста, его синтаксическую и семантическую однородность», при этом «функционирует в качестве не только логического, но и семантического, структурного, риторического оператора» [Джаубаева 2008: 8], вследствие чего выравнивается и ритмико-мелодический лад.

В стихах Иванова применялись все традиционные виды повторов: синтаксический параллелизм, лексический повтор, анафора и эпифора, кольцо, парономазия, что, безусловно, усиливало музыкальное воздействие его текстов. Нередко в пределах одной миниатюры использовались всеперечисленные виды (напр., в стихотворении «Россия счастье. Россия свет…» и др.), однако по частоте применения лидирует полисиндетон. В эмигрантских сборниках Г. Иванова использование этого приема приобретает регулярный характер. И это как традиционный тип его, основанный на повторении союзов («Эмалевый крестик в петлице / *И* серой тужурки сукно… / Какие печальные лица / *И* как это было давно. / Какие прекрасные лица / *И* как безнадежно бледны…»)[2], так и несоюзные полисиндетические конструкции, создаваемые повторением частиц или предлогов. На повторении предлогов порой основаны целые строфы, состоящие из градационных рядов:

…И перевоплощается мелодия
В тяжелый взгляд, *в* сиянье эполет,
В рейтузы, *в* ментик, *в* «Ваше благородие»,
В корнета гвардии – о, почему бы нет?..
(«Мелодия становится цветком…»)
Час *от* часу. Год *от* году.
Про Россию, *про* свободу.
Про последнего царя…
(«Час от часу. Год от году…»)

Чаще остальных форм поэт использовал полисиндетоны, построенные на различных видах частиц:

Только звезды. *Только* море.
Только. Больше ничего…
(«Гаснет мир. Сияет вечер…»)

Не станет *ни* Европы, *ни* Америки,
Ни Царскосельских парков, *ни* Москвы –
Припадок атомической истерики
Всё распылит в сияньи синевы…
(«Не станет ни Европы, ни Америки…)

Для достижения эмфазы, наряду с полисиндетоном, в пределах одного стихотворения поэт нередко прибегал и к другим способам усиления звукового, мелодического воздействия текста, как это видно в последнем примере: 3-я и 4-я строки приведенной строфы оснащены ассонансом, аллитерацией и парономазией («в сияньи синевы»). Но «музыка» (именно так называл поэтическую технику Иванов) здесь не самоцель, в данном катрене она эмоционально насыщает последнее двустишие, на которое приходится основной смысловой удар, экзистенциальная суть лирического монолога.

Значительная часть полисиндетонов у Иванова носит комбинированный характер – в них используются союзы, предлоги и частицы. При этом, если предлоги играют формообразующую, конструирующую роль, частицы семантически усиливают текст, привнося дополнительную затекстовую информацию и эмоциональные краски, то союзы (в особенности, сочинительный союз *и*), присутствуя

[2] Здесь и далее лирика Г. Иванова цит. по изд.: Иванов Г. Стихотворения. / Вступ. ст., подг. текста, состав, при- меч. А.Ю. Арьева (Новая библиотека поэта). СПб.: Академический проект, 2005. 768 с.

почти во всех типах полисиндетона, отходят на второй план, маркируя особую связанность элементов, сформированность высказывания:

В дыму, *в* огне, *в* сияньи, *в* кружевах,
И веерах, и страусовых перьях!..
В сухих цветах, *в* бессмысленных словах,
И в грешных снах, *и в* детских суеверьях –

Так женщина смеется на балу,
Так беззаконная звезда летит во мглу…
(«В дыму, в огне, в сияньи, вкружевах…»)

Стихотворение наглядно демонстрирует особое качество текстов Г. Иванова, отражающее его поэтическую и шире – культурную – идентичность, а именно – приверженность символистской традиции, о чем уже было сказано выше. Качество это М.Л. Гаспаров, размышляя о «мелодическом стихосложении» А. Белого, назвал тенденцией «к бесплотности, к безличности, к безглагольной статичности», когда «всё стремится стать менее вещественным и более духовным, и видение земного мира превращается в видение вечного мира, где нет личности, потому что причастник его растворяется в вечном свете, и нет движения, потому что в вечности нет времени» [Гаспаров 2015: 167–168]. У Иванова объединенные полисиндетоном разрозненные детали, материальные фрагменты бытия, поначалу кажущиеся случайными, выстраиваются в градационный ряд, семантическое наполнение которого – то самое преодоление земного, вещественного и растворение его в вечном, о котором пишет М.Л. Гаспаров. При этом единственные два глагола в заключительном двустишии приведенного стихотворения имеют форму несовершенного вида и настоящего времени, что в сочетании с предшествовавшими безглагольными шестью строками усиливает парадоксальное впечатление – возникает эффект слияния движения и статики. А последняя строка по сути – вектор, прямо указывающий на вечность. Семантическую корректировку вносит анафорическое использование частицы *так:* интимно-лирическое помещается в тот самый надличностный контекст мироздания, где «нет движения» и «нет времени».

Выбор полисиндетона, этого сильного средства создания эмфатической интонации, позволяет поэту сочетать несочетаемое – минимализм и избыточность. При кажущейся простоте приема, в соседстве с другими фигурами, основанными на повторе (анафора, изоколон, хиазм), данный тип конструкции из разряда фигур прибавления в эмигрантских стихах Иванова становится решающим средством достижения эмфазы, сообщая тексту не только мелодичность, экспрессию, но и содержательную многомерность. По мнению Ю.М. Лотмана, избыточность полезна для языка в целом, а в особенности для поэзии, поскольку благодаря ей «поэтическая структура оказывается несравненно более высоко насыщенной семантически и приспособленной к передаче таких сложных смысловых структур, которые обычным языком вообще непередаваемы» [Лотман 1996: 97]. Выбирая полисиндетон, поэт умело пользовался объединяющим свойством этой фигуры, ее способностью придавать тексту интонационное единство. При этом техническая оснащенность отступает на второй и третий план, ибо читатель, поймав мелодию стихотворения, отдается инерции ее движения, создаваемой переплетающими строки повторами, на которых у Г. Иванова может быть основано целое стихотворение:

Если бы я мог забыться,
Если бы, что так устало,
Перестало сердце биться,
Сердце биться перестало,

Наконец – угомонилось,
Навсегда окаменело,
Но – как Лермонтову снилось –
Чтобы где-то жизнь звенела…

…Что любил, что не допето,
Что уже не видно взглядом,
Чтобы было близко где-то,
Где-то близко было рядом…

Миниатюра подкупает естественной, почти разговорной интонацией, однако это кажущая- ся простота. Текст виртуозно инструментован не только фонетически, но также изобилует гармонизирующими стилистическими приемами, основанными на взаимодействии контактных и дистантных повторов, которые пронизывают всю миниатюру. В стихотворении использованы полисиндетон в анафорической позиции (первые двустишия в первой и третьей строфах), анадиплозис (второе двустишие первой строфы и последнее – третьей), хиазм (те же строки), изоколон (первое двустишие второй строфы). Всё это придает лирическому высказыванию музыкальную стройность и, несмотря на некоторую импрессионистичность, некоторую его незавершенность, задаваемую тремя многоточиями, создает впечатление целостности благодаря интонационному единству, обеспечиваемому прежде всего полисиндетоном. Безусловно, в этой миниатюре, написанной в технике палимпсеста, индивидуальное, ивановское, рождается именно из интонации – почти говорной, но и напевной, в которой любимейшее поэтом лермонтовскоестихотворение

предстает не столько поэтическим парафразом, сколько музыкальной вариацией. Каденцией звучит повторение в двух последних строчках наречия «близко», усиленного синонимичным «рядом» и аллитерацией на «б» («Что*бы бы*ло *б*лизко…»), что несет и смысловое разрешение лирического сюжета – всё самое дорогое для персонажа, уклончиво обозначенное штрихами («где-то», «не видно взглядом», «не допето»), стянуто этой хронотопической характеристикой «модели» бытия / небытия. В немалой степени данного эффекта поэт достигает благодаря виртуозному использованию среди прочих функций полисиндетона такой, как способность подчеркивать «целеустремленность и единство перечисляемого» [Квятковский 1966: 161].

Приведенное стихотворение по форме представляет собой период. Поэт мастерски владел техникой создания этой сложной синтаксической конструкции. По А.П. Квятковскому, умение пользоваться такой гармонической формой, как правило, «свидетельствует о широте поэтического дыхания автора и о большом зрелом мастерстве» [Квятковский 1966: 206], ибо требует от поэта особых навыков для выстраивания композиции из двух и более строф, предстающих синтаксическим единством. В эмигрантских сборниках Иванова немало текстов в форме периода с использованием различных стилистических фигур, дополняющих и усиливающих одна другую. Полисиндетон, как правило, доминирует в подобных стихотворениях-периодах, сообщая речи эмфатическую интонацию («Хорошо, что нет царя…», «Был замысел странно-порочен…», «Распыленный мильоном мельчайших частиц…» и др.).

Период, многосоюзие и другиеобъединяющие приемы и фигуры (амплификация, хиазм), привносящие в поэтический текст некоторую избыточность, кроме гармонизирующей функции в стихах Иванова выражали вполне определенную смысловую интенцию: транслировали авторское убеждение в спасительной силе целостности. Этот вывод кажется парадоксальным, ведь поэт прослыл «циником» именно за свой мрачный взгляд на современность и современников, за «юмор висельника» (Г. Струве), выражавший его реакцию на мировое «безобразие», предчувствие «атомической истерики», грозящей энтропией всего сущего, «распадом атома», а также горестное сознание неспособности противостоять этому и с помощью искусства:

…Да, я еще живу. Но что мне в том,
Когда я больше не имею власти
Соединить в создании одном
Прекрасного разрозненные части.
(«Душа черства. И с каждым днем
черствей…»)

Однако таковы были свойства художественного сознания Георгия Иванова. Воспринимая мир в режиме «двойного зренья», поэт, не раз заявляя о бессмысленности искусства и его беспомощности перед лицом мирового зла, не раз настаивал также и на том, что распаду не подлежит только мелодия / музыка («Мелодия становится цветком…», «”Желтофиоль” – похоже на виолу…» и др.). Можно истолковать эту философскую «оптику» поэта в сопоставлении с механизмом действия кантовских «антиномий чистого разума» («Мир конечен – мир бесконечен»), в результате чего рождались его знаменитые «кощунственные» оксюморонные формулы (напр., «отвратительный вечный покой») и травестировавшие высокие темы суждения: «О, нет, не обращаюсь к миру я / И вашего не жду признания. / Я попросту хлороформирую / Поэзией свое сознание…» («О, нет, не обращаюсь к миру я…»). В заметке «Ритм как теодицея», рассуждая о парадоксах взаимодействия содержания и формы, С.С. Аверинцев писал: «Так называемая форма существует не для того, чтобы вмещать так называемое содержание, как сосуд вмещает содержимое, и не для того, чтобы отражать его как зеркало отражает предмет. “Форма” контрапунктически спорит с “содержанием”, дает ему противовес, в самом своем принципе содержательный; ибо “содержание” – это каждый раз человеческая жизнь, а“форма” – напоминание обо “всем”, об “универсуме”, о “Божьем мире”; “содержание” – это человеческий голос, а “форма” – всё время наличный органный фон для этого голоса, “музыка сфер”» [Аверинцев 2005: 410].

Позднюю лирику Георгия Иванова можно рассматривать как наглядный пример справедливости этого суждения. Трагически остро ощущая катастрофичность современной ему реальности, с собственным чувством утраты единства мира поэт «спорит» на уровне формы, мелодического лада, максимально используя наряду с многими другими приемами объединяющую и гармонизирующую энергию полисиндетона. Включается тот самый механизм контрапункта, о котором говорит С.С. Аверинцев, когда «человеческому голосу, говорящему свое, страстное, недоброе, нестройное, отвечает что-то вроде хора сил небесных – через строфику, через отрешенную стройность ритма» [Аверинцев 2005: 410].

Орфическая природа поэта берет верх над его экзистенциональным сознанием, и темы макаберного кошмара эпохи мировых войн и предчувствие грядущих катаклизмов преодолеваются «музыкой сфер».

Литература

1. Аверинцев С.С. Собрание сочинений / Под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. Связь времен. К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. 448 с.
2. Адамович Г. В. (Запись бесед с Г. Адамовичем, сделанная Ю. Иваском в Париже в 1960 г.) // Новое лит. Обозрение (НЛО). 2002. № 58. С. 148–149.
3. Веккессер М.В. Полисиндетон как стилистическая фигура: на материале современного русского языка: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Сибирский федеральный университет, Красноярск, 2007. 24 с
4. Гаспаров М.Л. Ясные стихи и «темные» стихи. М., 2015. 416 с.
5. Джаубаева Ф.И. Гармония поэтического текста А.С. Пушкина: Полисиндетон / Под ред. профессора К.Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. 256 с.
6. Квятковский А. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. 376 с.
7. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство, 1996. 848 с.
8. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста. / Под ред. В.П. Григорьева. М.: Наука, 1990. 304 с.
9. Терапиано Ю.К. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974). Эссе, воспоминания, статьи. СПб.: Росток, 2.

POLYSINDETON AS A MEANS OF ACHIEVING EMPHASIS IN ÉMIGRÉ LYRICS OF GEORGY IVANOV

M.K. Lopacheva
St. Petersburg State Institute of Culture, Dvortsovaya nab, 2, 191186, Saint-Petersburg, Russia
E-mail: *lopacheva03@mail.ru*

Based on the material of émigré lyrics of George Ivanov, the harmonizing and semantic functions polysindeton are considered. Choosing a polysindeton as a stylistic figure, the poet skillfully used his ability to impart intonational unity and expression to the text. The period, multi-union, chiasm and other unifying techniques and figures along with the harmonizing function in Ivanov's verses expressed a very definite semantic intention: despite the poet's tragic perception of the catastrophic epoch of the "disintegration of the atom", his belief in the saving power of integrity was broadcast by counterpoint.

Key words*: polysindeton, anaphora, period, George Ivanov, emphasis.*

DOI: 10.18572/2687-0339-2020-1-37-42

АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ («УТЁС» М.Ю. ЛЕРМОНТОВА)

А.Г. Матюшенко
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991, Москва, Россия
E-mail: *matyushenkoag@mail.ru*

Статья посвящена анализу лексики поэтического текста в иностранной аудитории. На примере стихотворения М.Ю. Лермонтова «Утёс» показывается, как такими средствами, как поиск синонимов, словообразовательный анализ, визуализация и др., можно объяснить учащимся значение словоупотреблений в стихотворном тексте. Статья содержит также фрагмент пособия по языку поэзии Лермонтова, где дается анализ стихотворения «Утёс» в соответствии с предлагаемой методикой.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, поэтический текст, лексика, синонимия, словообразовательный анализ, визуализация, стихотворение М.Ю. Лермонтова «Утёс».*

В свое время Иосиф Бродский высказал интересную мысль о том, что «поэзия не толькосамый сжатый, но и наиболее конденсированный способ передачи человеческого опыта; она также предлагает наивысшие из возможных стандарты для любого лингвистического действия…» [Бродский 1988]. Слова́ выдающегося поэта помогают нам прояснить как преимущества, так и весьма существенные трудности анализа стихотворного текста в практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ). С одной стороны, среди многочисленных произведений русской лирики несложно выбрать и предложить учащимся небольшое по объёму произведение, время аудиторной работы над которым соответствует «стандартному» занятию продолжительностью 1,5 часа. С другой стороны, стихотворная речь великих поэтов подчас настолько сложна для понимания иностранными студентами, что объяснение значений даже отдельных слов, словосочетаний, синтаксических конструкций очень непростая задача, и ее решение в современной образовательной парадигме[1] предполагает значительные интеллектуальные усилия со стороны преподавателя.

Сложности анализа стихотворного текста[2] проявляются во всех его аспектах; один из наиболее сложных – лексический. Дело в том, что слово в поэтическом тексте имеет подчас такие оттенки значений, которые требуют развернутых толкований. Поэтому, как справедливо указывает известный исследователь художественного текста применительно к задачам преподавания РКИ, «первое условие достижения читателем “адекватного” восприятия художественного текста – умение вычленить в тексте коннотативно окрашенные языковые единицы» [Яценко 2017: 31].

Цель предлагаемой статьи – на примере разбора стихотворения М.Ю. Лермонтова «Утёс» показать один из вариантов толкования некоторых лексических единиц в поэтическом тексте. При этом ставится задача не только прояснить студенту-иностранцу их узуальное значение, но и раскрыть их смысл в контексте данного произведения, духовной жизни и творчества поэта в целом, в русле русской культурной традиции.

Произведение Лермонтова очень небольшое по объёму, поэтому процитируем его полностью:

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

[1] См.: [Клобукова и др. 2018].
[2] Среди новейших исследований, посвященных анализу произведений русских поэтов в иностранной аудитории, особо отметим работы А.Г. Лилеевой, например: [Лилеева 2011].

Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне.
1841

Ставшие классическими собственно литературоведческие толкования этого произведения общеизвестны. В свое время Б.М. Эйхенбаум очень точно определил его жанр: «маленькая баллада» [Эйхенбаум 1924: 116]. Как известно, баллада – это лиро-эпическое произведение с историческим, героическим, сказочным, легендарным, фантастическим, при этом нередко иносказательнымсюжетом, что мы и видим в указанном произведении Лермонтова. В своем стихотворении поэт не просто рисует «пейзаж души» (термин А.Н. Веселовского [Веселовский 1904]), но и рассказывает историюлюбви. Поэтому здесь есть повествовательный сюжет и два персонажа: утес и тучка. Сюжет иносказатель- ный, а персонажи символические. Лирический ге- рой выступает в этом произведении одновременно и повествователем.

В узкой трактовке речь идет о трагедии неразделенной любви между мужчиной и женщиной; в широком толковании – о трагедии одиночества, о непрочности любых человеческих отношений в этом мире. В связи с этим вспоминается знаменитый разбор другого лермонтовского стихотворения – «Сосна» – Львом Владимировичем Щербой, в сопоставлении с произведением Генриха Гейне «Ein Fichtenbaum steht…» [Щерба 1957: 97–109]. На русский язык это стихотворение Гейне переводил не только Лермонтов, но и другие поэты, причем заменяли слово мужского рода («Fichtenbaum») у Гейне не на «пихту», «ель» или «сосну», а на «кедр», «дуб» и т. д. – слова́ мужского рода. Здесь важна мысль Щербы о том, что «Лермонтов женским родом сосны отнял у образа всю его любовную устремленность» [Щерба 1957: 99]. Аналогичная трактовка может быть и в отношении стихотворения «Утёс»: утес несчастен не только из-за неразделенной любви, но и по причине одиночества всякой человеческой души в земной жизни.

Тучка в этом произведении воплощает в себе идею не только женской красоты и очарования (не случайно «тучка *золотая*»), но и изменчивости, непостоянства, легкомыслия – общечеловеческих черт, независимых от пола; *утёс*, напротив, – символ силы, могущества (это мужские черты) и одновременно постоянства, надежности; при этом последние две черты тоже не зависят от пола; в то же время (что парадоксально!) утес оказывается хрупким и ранимым: именно он, а нетучка, плачет в пустыне.

При анализе лексики данного произведения необходимы, помимо обращения к толковым словарям русского языка и двуязычным словарям, словообразовательный и морфемный анализ, а также визуализация (о значении визуализации при анализе художественного текста – замечательный доклад А.Г. Лилеевой на XIII Конгрессе МАПРЯЛ) [Лилеева 2015: 64–70]. Именно на картинке важно показать, чем, например, отличается *утес* от *скалы. Утес* – отвесная, то есть вертикально стоящая *скала* с острыми выступами. Причем утес, как правило, располагается на берегу моря или другой водной стихии («береговой утёс» – пример из словаря Д.Н. Ушакова).

Оттенки значения слова *тучка* необходимо объяснить с помощью словообразовательного анализа. Как образовано слово *тучка*? Чем отличается значение этого слова от значения слова *туча*? Какова здесь роль уменьшительно-ласкательного суффикса *-к-*? Этот суффикс подчеркивает чувство любования лирического героя-повествователя природой и одновременно душевное расположение героя истории любви – утеса – к своей прекрасной, но непостоянной возлюбленной.

Эпитет *золотая* («тучка *золотая*») тоже есть смысл объяснить с помощью визуализации, а также словообразовательного анализа (*золотой* < *золото*). При этом важно отметить, что данный эпитет имеет значение не только цвета, приобретаемого тучкой в лучах утреннего солнца (это значение выявляет визуализация), но и красоты (*золотая* означает здесь также «прекрасная», «очаровательная»). Если эпитет «золотой» выявляет красоту тучки, то определение *великан* (от слова *великий*, что по-славянски значит «большой»), отнесенное к утесу, подчеркивает не только его величину, но и его силу, мощь – физическую и духовную.

Затем нужно проанализировать значение глагола совершенного вида *умчатся,* образованного от глагола несовершенного вида *мчаться.* Вспомним другое стихотворение Лермонтова –«Тучи» («*Мчитесь* вы, будто как я же, изгнанники…»). *Мчаться* – значит передвигаться с большой скоростью. Тучка не просто улетела; она *умчалась*, что подчеркивает ее сущностное свойство – быть непостоянной; она мгновенно меняет место своего пребывания, в отличие от утеса – символа неподвижности и неизменности.

Далее: «По *лазури* весело играя…». Здесь употребление слова *лазурь* – яркий пример метонимии. Имеется в виду небо цвета лазури. В данном случае необходима визуализации. Кроме того, важно отметить, что данная метонимия (*лазурь* в значении

«небо») свойственна творчеству не только Лермонтова, но и других русских поэтов (вспомним стихотворение А.С. Пушкина «Туча» (1835): «Последняя туча рассеянной бури! / Одна ты несёшься по ясной *лазури*…»).

Тучка в стихотворении «Утёс» умчалась, «по лазури *весело играя*…» (словообразовательный анализ: *весело* < *веселый* > *веселость; играя* > *играть* > *игра*). Веселость и игра такие же имманентные свойства тучки, как и непостоянство, в отличие от утеса, мрачного по своей сути. Антитеза «утес – тучка» очевидна; она открывает важную идею поэта: герой и героиня этой маленькой баллады в принципе несовместимы, поскольку принадлежат к разным стихиям [Щемелёва 1981: 591]; поэтому их единение может быть лишь мимолетным, как мимолетно всякое счастье в земной жизни.

Обратимся теперь ко второмучетверостишию. При анализе слова *след* необходимо заострить внимание учащихся на том, что здесь оно употреблено в значении «остаток чего-либо» (толкование из словаря Ушакова). От тучки осталось немного воды: «влажный след» (*влажный* > *влага* =«вода», «сырость»). Но, конечно же, слово *след* имеет здесь и символический смысл: это след в душе героя-утеса: чувство потери, утраты чего-то любимого, дорогого сердцу. По тонкому устному замечанию Л.В. Красильниковой, «влажный след» тучки становится здесь «предпосылкой, предыдеей плача утеса». Поэтому слова́ *морщина* (< *морщить*; при толковании данного слова желательна визуализация) и *старый* – приметы не только старости утеса, но и скорбного состояния его души.

Слово *одиноко* (< *одинокий*) не случайно завершает шестую строку, начиная новое предложение (так называемый прием переноса) и рифмуясь со словом *глубоко*; на нем поэт явно делает особый акцент: как известно, мотив одиночества – один из центральных в творчестве Лермонтова. Здесь особенно важно подчеркнуть, что речь идет уже не только об одиночестве героя, отвергнутого в своем искреннем чувстве, но и об одиночестве всякого человека в мире.

Утес «задумался глубоко». Учащимся, во-первых, нужно объяснить значение слова *задуматься*, сделав его словообразовательный анализ (*думать* > *за-думать-ся* = «начать думать, отрешившись от окружающего мира», «погрузиться в думы»); во-вторых, важно обратить внимание студентов на то, что выражение «глубоко задуматься» носит устойчивый, фразеологический характер.

Как уже отмечалось, от одиночества плачет не тучка, а утес – сильный и могущественный. Уменьшительно-ласкательный суффикс *-оньк-* в слове *тихонько (тихий* > *тихонький* > *тихонько)* подчеркивает не только чувство затаенного горя, переживаемого утесом, но и сочувствие, сострадание лирического героя-повествователя своему двойнику.

Символом одиночества выступает в произведении Лермонтова и слово *пустыня (*< *пустой)*. Здесь оно употреблено не в значении «засушливая, безводная местность», а в значении «безлюдное место», как это мы часто встречаем в русской поэзии. Ср. у Пушкина: «Приветствую тебя, *пустынный* уголок…» («Деревня», 1819); у Лермонтова: «… *пустыня* внемлет Богу…» («Выхожу один я на дорогу», 1841).

Таким образом, рассмотрение языковых единиц, употребленных в отдельном лирическом стихотворении (в данном случае это лермонтовский «Утёс»), путем анализа словарных толкований лексических единиц, словообразовательного и морфемного анализа, а также визуализации помогает учащимся в жестких рамках учебного плана познакомиться с важнейшими мотивами творчества поэта, понять его мироощущение.

Далее прилагается фрагмент пособия по языку лирики М.Ю. Лермонтова, адресованного иностранным учащимся-филологам и содержащего анализ стихотворения «Утёс»[3]. Пособие состоит из книги для студента и книги для преподавателя; вторая из них содержит ключи к заданиям, на которые, в случае необходимости, может опираться преподаватель в процессе подготовки к занятию. Содержание пособия соответствует методическим принципам, изложенным в данной статье.

Задание 1. Прочитайте стихотворениеЛермонтова «Утёс». Уточните значение незнакомых вам слов и выражений по словарю (далее приводится текст произведения Лермонтова).

Задание 2 (с ключами). Дайте толкование слов и словосочетаний, содержащихся в тексте стихотворения.

а) первое четверостишие

1. Что такое *утёс*? Объясните, чем отличается *утёс* от *скалы.* [*утёс* – отвесная, то есть вертикально стоящая *скала* с острыми выступами; утёсыстоят, как правило, на берегу реки, озера, моря или в воде, недалеко об берега] 2. Как образовано слово *тучка*? Какова здесь роль уменьшительно-ласкательного суффикса *-к-*? [*тучка* < *туча*; уменьшительно-ласкательный суффикс *-к-* подчёркивает

[3] См.: [Анализ художественного текста. Стихотворения М.Ю. Лермонтова. Пособие … Книга для студента 2019], [Анализ художественного текста. Стихотворения М.Ю. Лермонтова. Пособие … Книга для преподавателя 2019].

чувство любования лирического героя природой и одновременно одушевлённость самого иносказательного образа тучки] 3. Как образовано слово *ночевать*? Объясните его значение. Приведите однокоренные слова. [*ночевать НС <ночь*; *ночевать где-либо* – проводить ночь где-либо; *ночной, ночёвка, ночлег*] 4. Как образовано слово *золотой*? Почему поэт назвал *тучку золотой*? Какую функцию выполняет определение *золотая* в данном словосочетании? [*золотой < золото; золотой* – метафорический эпитет: освещённая солнцем тучка приобретает *золотистый* (напоминающий золото) цвет] 5. Как образовано слово *великан*? Что оно означает? Приведите синонимы. Почему Лермонтов назвал утёс *великаном*? Имел ли поэт в виду лишь его большие размеры? [*великан < великий* (в знач.: большой); синонимы к слову *великан*: *гигант, исполин, богатырь*; *утёс-великан* – образ иносказательный, как и образ *тучки*; поэт имел в виду не только большие размеры утёса, но иего силу, мощь – физическую и духовную] 6. Знаком ли вам глагол *умчаться*? Как он образован? [*умчаться СВ < мчаться НС* – передвигаться очень быстро; важно обратить внимание на то, что состояние быстрого движения – сущностное свойство тучки, в отличие от неподвижного утёса] 7. Знакомо ли вам слово *лазурь*? Что оно означает в данном контексте? [*лазурь* – голубой цвет, иногда с зелёным оттенком; в данном контексте имеет место метонимия: под *лазурью* подразумевается небо]

б) второе четверостишие

1. В каком значении употреблено здесь слово *след*? [*след* – отпечаток чего-либо; остаток чего-либо] 2. Как образовано слово *влажный*? Приведите синоним. [*влажный < влага* – вода, сырость; син.: *мокрый*] 3. Как образовано слово *морщина*? В каком значении оно здесь употребляется? Как называется приём, когда неживому существу приписываются черты живого? [*морщина < морщить НС, морщиться НС*; *морщина* – складка на коже лица, тела; здесь: приём олицетворения] 4. Как образовано слово *задуматься*? Объясните различие в значении слов *думать* и *задуматься*. [*думать НС > за-думать-ся СВ* – начать глубоко думать, размышлять о чём-либо] 5. Как образовано слово *тихонько*? К какой части речи оно относится? Какова роль уменьшительно-ласкательного суффикса -оньк-? [*тихонько < тихонький < тихий*; уменьшительно-ласкательный суффикс *-оньк-* передает чувство затаённого горя, переживаемого утёсом (*затаённый < затаить СВ < таить НС >тайный > тайна*)] 6. Как образовано слово *пустыня*? В каком значении оно здесь употреблено?[*пустыня < пустой*; *пустыня* – зд.: безлюдная местность; это второе значение слова; первое значение – безводное, засушливое пространство]

Задание 3 (с ключами). Ответьте на вопросы.

1. К какому жанру можно отнести «Утёс»? Как вы думаете, является ли этот жанр чисто лирическим? Какие именно черты отличают «Утёс» от собственно лирических произведений? [«Утёс» можно отнести к жанру «маленькой баллады» (определение Б.М. Эйхенбаума); баллада – это лиро-эпическое произведение с необычным сюжетом; в «Утёсе» есть сюжет, то есть события, выстроенные в определённой последовательности автором, а также два персонажа: тучка и утёс, значит, это произведение не чисто лирическое, здесь есть и эпическое содержание.]

2. Как называется художественный приём, лежащий в основе данного стихотворения и предполагающий изображение явлений природы, за которыми скрываются человеческие чувства? [Иносказание.]

3. Какие образы-символы здесь присутствуют? Дайте им толкование. [*Утёс* и *тучка* – это образы символические; *тучка* – символ красоты, а также изменчивости; *утёс* символизирует силу, мужество, постоянство, надёжность; однако в ситуации разлуки с тучкой *утёс-великан* оказывается ранимым: он плачет в пустыне, в то время как тучка летит, *весело играя*; *пустыня* здесь – символ одиночества человека в мире, который представляется лирическому герою *пустым* в отсутствие предмета душевной привязанности.]

4. Какие ещё художественные приёмы использует здесь поэт? [Поэт прибегает здесь к олицетворению (*тучка ночевала, грудь утёса, утёс плачет, утёс задумался*), использует эпитеты (тучка *золотая*); в основе произведения лежит приём антитезы – противопоставления.]

5. Какие мотивы, характерные для поэзииЛермонтова, звучат в стихотворении «Утёс»? [Здесь звучат такие мотивы, как безответная, неразделённая любовь, а также мотивы одиночества и одновременно поиска родной души,странничества.]

6. Почему утёсу и тучке не суждено быть вместе? [Они принадлежат к разным стихиям: неподвижность утёса несовместима с непостоянством и непрерывным движением тучки.]

Задание 4. Используя вопросы из предшествующих заданий и ваши ответы на них, подготовьте анализ стихотворения «Утёс» в письменной и устной форме.

Задание 5. Выучите стихотворение «Утёс» наизусть.

Литература

1. Анализ художественного текста. Стихотворения М.Ю. Лермонтова. Пособие по русскому языку для иностранных учащихся-филологов. Книга для преподавателя / Сост. А.Г. Матюшенко, А.А. Матюшенко. Москва: МАКС Пресс, 2019. 36 с.
2. Большой толковый словарь русского языка (БТС) / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
3. Бродский И.А. Как читать книгу. Речь на открытии Первой книжной ярмарки в Турине 18 мая 1988 г. Перевод с английского Е. Касаткиной / Иосиф Бродский / Полное собрание сочинений / [Электронный ресурс] iosif-brodskiy.ru/proza-i-esse-kak-chitat-knigu-1988.html.
4. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1904. 571 с.
5. Журавлёва А.И. Лермонтов в русской литературе: Проблемы поэтики. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 288 с.
6. Клобукова Л.П., Бархударова Е.Л., Гудков Д.Б., Красильникова Л.В., Одинцова И.В., Панков Ф.И. Актуальные проблемы теории и практики преподавания русского языка как иностранного в современной образовательной парадигме. М.: МАКС Пресс, 2018. 168 с.
7. Красильникова Л.В. Словообразовательный компонент коммуникативной компетенции иностранных учащихся-филологов. М.: МАКС Пресс, 2011. 360 с.
8. Красильникова Л.В. Теоретические основы преподавания русского словообразования в иностранной аудитории / Клобукова Л.П., Бархударова Е.Л., Гудков Д.Б., Красильникова Л.В., Одинцова И.В., Панков Ф.И. Актуальные проблемы теории и практики преподавания русского языка как иностранного в современной образовательной парадигме. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 33–53.
9. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 6 томах. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957. Т.2. Стихотворения 1832–1841. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
10. М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь / Гл. ред. и сост. И.А. Киселева. М.: Индрик, 2014. 936 с.
11. Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. Энцикл., 1981. 746 с.
12. Лилеева А.Г. Б. Пастернак «Рождественская звезда». Лингвостилистический анализ. / Русская словесность. М.: Школьная пресса, 2011. №1. С. 39–45.
13. Лилеева А.Г. Словесная и визуальная парадигмы: их взаимосвязь в процессе интерпретации художественного текста на занятии // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (Гранада, Испания, 13–20 сентября) 2015. Т. 1. С.-Петербург, 2015. С. 64-70.
14. Максимов Д.Е. Поэзия Лермонтова. 2-е изд. – М.–Л.: Наука, 1964. 266 с.
15. Роднянская И.Б. Земля и небо / Мотивы поэзии Лермонтова / ЛЭ. С. 302–304.
16. Толковый словарь русского языка (ТСРЯ) / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4 тт. М.: Гос. ин-т “Сов. энцикл.”; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 тт. 4-е изд. М.: Астрель; АСТ; 2009.
18. Шевцова Л.И. «Тучи». М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь / Гл. ред. и сост. И.А. Киселева. М.: Индрик, 2014.
19. Щемелёва Л.М. «Утёс» / ЛЭ. С. 591–592.
20. Щерба Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / Акад. наук СССР. Отд-ние лит-ры и языка. М.: Гос. Учеб.-пед. Изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1957. С. 97–109.
21. Эйхенбаум Б.М. Лермонтов. Опыт. Историко-литературной оценки. Л.: Государственное издательство, 1924. 156 с.
22. Яценко И.И. Интерпретация художественного текста: границы свободы читателя (в преподавании русского языка как иностранного) // Русистика без границ. Международный научный журнал (Болгария). №3. 2017. С. 31–38.

LEXICAL ANALYSIS OF A POETIC TEXT IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS AFOREIGN LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF THE M.YU. LERMONTOV'S POEM "CLIFF")

A.G. Matiushenko
Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, 119991, Moscow, Russia
E-mail: *matyushenkoag@mail.ru*

The article is devoted to the lexical analysis of a poetic text in a foreign language audience – in the practice of teaching Russian as a foreign language. Using the example of Lermontov's poem "Cliff", it is shown how the analysis of synonymy, derivational analysis and visualization can explain to students the meaning of the most important word usage in a literary text. The article also contains an extract from the manual on the language of Lermontov' poetry, including the analysis of the poem "Cliff" in accordance with the proposed method.

Key words*: Russian as a foreign language, poetic text, commented reading, lexical analysis, derivational analysis, poem by Lermontov "Clliff".*

DOI: 10.18572/2687-0339-2020-1-43-46

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ: МЕТОДИКА СОСТАВЛЕНИЯ И ВЫПОЛНЕНИЯ

В.В. Добровольская
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991, Москва, Россия
E-mail: *rkinature@cs.msu.su*

В статье рассматриваются проблемы методики составления грамматических заданий на пролонгированном этапе обучения РКИ и использования их в учебном процессе. Анализируются факторы, влияющие на эффективность использования грамматических заданий как важнейшего инструмента учебного процесса при выведении грамматических навыков учащихся на операционный уровень.

Ключевые слова: *грамматическое задание, рабочий аппарат задания, содержательный состав задания, методика выполнения задания, классификация заданий, принципы блокировки заданий.*

Грамматические задания, целью которых является формирование, тренировка и контроль сформированности грамматических навыков обучаемых, составляют, как известно, значительную часть оснащения учебного процесса на занятиях по русскому языку как иностранному. Все они, вместе взятые, имеют одну общую задачу – формирование, развитие и совершенствование у учащихся-инофонов навыков построения правильного русского предложения, которое реализует их интенции общения на русском языке.

Представляется важным, чтобы эта задача осознавалась преподавателем, ведущим курс по РКИ, как одна из значимых самостоятельных целей обучения, поскольку именно умение сознательно построить правильное русское предложение в соответствии со смысловой задачей общения является необходимым признаком языковой зрелости обучаемого. Более того, представляется желательным, чтобы и учащийся пролонгированного курса обучения постепенно осознавал задачу конструирования речи в рамках определенных смысловых отношений и их стандартного грамматического оформления – предложения как перманентную цель своей работы, реализующуюся в ходе обучения.

Для того чтобы выполнение грамматических заданий привело в итоге к формированию грамматических навыков в речи учащихся-инофонов, автор-составитель заданий и преподаватель-пользователь заданий должны, как нам кажется, учитывать определенные факторы в методике составления заданий и использования их на практике в ходе учебного процесса.

Условно эти факторы можно разделить на три категории: те, которые касаются рабочего аппарата грамматического задания; те,которые касаются его содержательного состава, и, наконец, те, которые касаются методики выполнения заданий с анализом и учетом действий учащихся.

К числу первых относятся: терминологическое оснащение задания, особенности формулировки задания, образец выполнения задания, приложения и ключи к заданию.

К числу вторых относятся: учет особенностей языкового материала задания, его адресация ввид речевой деятельности, его текстообразующее значение, а также учет его лексического и содержательного состава, в том числе страноведческого потенциала содержания (в соотношении с учебной программой конкретного курса).

К числу третьих относятся анализ последовательности и характера действий учащихся при выполнении заданий и разработка необходимых комментариев, которые должны сопровождать выполнение того или иного конкретного задания.

Рассмотрим последовательно перечисленные выше факторы.

Проблема использования в задании грамматических терминов на практике как бы «замаскирована» наличием образца выполнения задания: учащийся сосредоточивает внимание на образце, нередко не вдумываясь в смысл используемых в задании терминов. Между тем использование грамматических терминов на занятии вообще и при выполнении грамматических заданий в частности имеет совершенно определенную цель: сокращение времени объяснения за счет опоры на известный учащимся языковой факт. В идеале предполагается, что каждая конкретная группа учащихся владеет (активно или пассивно) определенным набором грамматических терминов и

именно эти термины и наличествуют в формулировках заданий. Если же преподаватель, предъявляющий задание на занятии, не уверен, что тот или иной термин «работает», что учащийся адекватно понимает, о чем идет речь в задании, он должен быть готов комментировать этот термин, выводя его в светлую сферу сознания учащихся. Таким образом, можно утверждать, что по крайней мере пассивное владение некоторой отобранной заранее терминологией является одним из условий адекватного выполнения учащимися грамматических заданий.

Что касается формулировки грамматического задания, то она, как правило, имеет две цели: с одной стороны, она должна объяснять учащемуся смысл операции, которую он будет совершать с языковым материалом (какой результат он должен получить), а с другой стороны, она должна показать учащемуся, в чем суть его действий при выполнении задания (как он должен произвести нужную операцию). В существующей практике преподавания РКИ цели задания обычно указываются в терминах коммуникативной установки (выражение определенного смысла), а операционный состав задания передается влингвистических терминах. В том случае, если формулировка задания носит более общий и несколько формальный характер («вставьте вместо точек …», «ответьте на вопросы» и т. п.) и дается без ссылки на известные учащимся нормативные операции с языковым материалом и без конкретизации цели действия, требуется дополнительный комментарий преподавателя в ходе выполнения задания. В любом случае необходимо, чтобы учащийся, выполняя задание, четко понимал, что он делает как он это делает, каков будет результат и в чем смысл этой операции.

В качестве приложения к заданию в практике преподавания выступает образец выполнения, так называемые «Слова для справок», к которым учащийся может обращаться в случае затруднения при выполнении задания, и иногда – ссылки на правило-инструкцию, которое, как предполагается, должно быть известно учащимся. В случае, если автор задания не дает таких приложений, а они требуются для безошибочного выполнения задания, то преподаватель дает их в комментариях во избежание ошибок недопонимания.

Пристального внимания составителя задания и преподавателя, включающего задание в учебный процесс, требует учет факторов, связанных с особенностями конкретного языкового материала, отрабатываемого в заданиях, и определением его роли в составе грамматической темы курса.

Так, учет того, составляет ли тренируемый в задании материал актив или пассив изучаемой грамматической темы и в какой вид или в какие виды речевой деятельности он в связи с этим направляется в перспективе, влияет и на формулировку задания, и на количество и характер опор и примечаний, которые к нему даются, и на кратность операций с языковым материалом, которая в нем предполагается.

Так, учет текстообразующей роли той или иной тренируемой конструкции, отрабатываемой в задании, нередко требует включения в контекст задания фрагментов микротекста, в который могла бы входить анализируемая в задании фраза; иногда требуется устная адресация предложения в текст в виде вопроса преподавателя о том, кто, когда и где мог бы «это сказать или написать». Возможно и более полное развитие ситуации, предложенной в задании, в виде комментария преподавателя к контексту предложения задания, который он планирует заранее и дает учащимся в ходе выполнения задания, а иногда даже и при контроле его выполнения.

Внимания преподавателя требует и предварительное определение некоторых количественных показателей, таких, например, как кратность тренировки того или иного языкового явления с учетом трудности его усвоения конкретным контингентом учащихся и активности его употребления в речевом общении. От этого зависит число предложений в задании, количество дублирующих заданий в учебном процессе и т. п.

Важным фактором является предварительный анализ лексического состава грамматических заданий, а также анализ их содержательной информативной стороны. Особенно следует подчеркнуть, что общая познавательная ценность правильно организованного информативного материала и лексического состава грамматических заданий очень велика, и разумный просчет их усвоения в ходе выполнения заданий значительно повышает познавательный потенциал курса РКИ в целом.

Рассмотрим теперь факторы, касающиеся методики выполнения заданий учащимися, проследив последовательность их действий при выполнении заданий.

Мы знаем, что обычно грамматическое задание в пролонгированном курсе обучения состоит из последовательности пронумерованных предложений. Первым шагом в работе над выполнением задания для учащихся является осознание общего смысла ситуации, выраженной предложением, входящим в задание, понимание того, что сообщается в этом предложении и что хотел сказать этим автор – составитель задания. Уже при опре-

делении ответа на этот вопрос учащийся может столкнуться с некоторыми трудностями. Дело в том, что, стараясь заложить в предложение законченную ситуацию, мы (составители задания) не всегда учитываем то обстоятельство, что, будучи интересной и познавательной сама по себе, эта ситуация в то же время недостаточно значима и актуальна, а иногда даже не вполне понятна для той категории учащихся, которой адресовано задание. Она может быть нетиповой, экстремальной, может содержать неточные или устаревшие сведения, не включать в себя материала для нужных ассоциаций и т. п. Отсюда следует вывод, чтосоставитель задания и преподаватель, использующий это задание в своей практике, должны проверить и, если нужно, откорректировать все предложения, включенные в задания с этой точки зрения.

В качестве второго шага учащийся проводит лексический анализ представленного в задании языкового материала, определяя значение незнакомых слов и уточняя смысл данных в задании исходных предложений. На этом этапе работы задача составителя задания, а затем преподавателя, его использующего, состоит в том, чтобы проследить за тем, чтобы слишком большое количество незнакомых слов или неточное понимание их роли в составе исходных предложений задания не вызывало бы у учащихся дополнительных трудностей при выполнении задания.

Следующим шагом в работе учащегося, в котором ему призван помочь данный в задании образец выполнения, является планирование итогов выполнения задания, то есть осознание того, какую языковую продукцию он должен получить в итоге, какова ее языковая структура, коммуникативная значимость, какова ее адресация в сферы коммуникативного подключения и виды речевой деятельности, каково ее текстовое значение.

После этого для учащихся наступает момент собственно выполнения задания, когда главное место в их сознании должна занимать операция, которую они выполняют согласно данной в задании целевой установке. Только пройдя перечисленные выше стадии анализа исходного материала задания, учащийся может вывести формируемый грамматический навык на уровень операционного владения, то есть четко представить себе, что и в какой последовательности ему надо делать с исходным языковым материалом, чтобы получить искомый результат, как выйти на уровень осознанного конструирования предложения, без которого невозможна спонтанная речь.

Из сказанного, как нам кажется, следует вывод, что в методике построения и выполнения грамматических заданий на сегодняшний день существуют значительные резервы оптимизации учебного процесса как в деятельности составителя заданий и преподавателя-практика, так и в деятельности самих учащихся. Для первых они состоят в целенаправленной коррекции икомментариях материала заданий, для вторых – в более точном осознании цели задания и этапов его выполнения. Активизируя эти резервы, мы можем повысить эффективность нашей работы в этой области и тем самым действительно вывести грамматические навыки наших учащихся на операционный уровень.

Нам остается сказать о том, что перед преподавателем, строящим план определенного курса, стоит также задача классифицировать задания по месту и, следовательно, по условиям их выполнения, а также определить принципы объединения заданий и в ходе учебного процесса, и в составе конкретной грамматической темы.

По месту и по условиям выполнения это могут быть аудиторные задания, которые выполняются под непосредственным руководством и при неотсроченном контроле преподавателя. Это могут быть так называемые домашние задания, дублирующие в значительной степени аудиторные и имеющие целью увеличение кратности тренировки и уменьшение дискретности учебного процесса. Это могут быть задания для самостоятельной работы учащихся, нуждающиеся в дополнительных опорах для безошибочного выполнения и клю- чах для самопроверки. Это могут быть, наконец, контрольные задания тестового или свободного характера, отличительной чертой которых являются краткость формулировки (в ней дается только ориентация на результат без указания этапов выполнения) и привлечение основного, главного материала контролируемой грамматической темы. Преподаватель выбирает место и условие выполнения заданий, а также устную или письменную форму их выполнения, ориентируясь на цели и возможности конкретной учебной группы.

Объединение учебных заданий в ходе учебного процесса и последовательность их расположения проводится, как известно, с учетом двух факторов.

Во-первых, задания группируются в блоки, направленные на развитие конкретного навыка, таким образом, чтобы каждое задание блока имело по сравнению с предшествующим одну новую трудность, а завершающее задание блока выступало как контрольное. При этом часть блока заданий, входящая в конкретное занятие, служит основой деления занятия на смысловые части (так называемое целевое членение занятий при их построении и анализе).

Во-вторых, задания объединяют, определяя их последовательное расположение в составе конкретной грамматической темы с учетом характерных особенностей этой темы, но всегда по логике развития ее смыслового содержания. Так, например, при прохождении темы «Сравнение» на продвинутом этапе обучения учащиеся последовательно осознают значение смысловой категории сравнения (лексика, общая ситуация сравнения), знакомятся со средствами выражения тождества, сходства и различия, изучают способы конкретных результатов сравнения (в том числе сравнительную и превосходную степень качества) и выходят в микротексты-ситуации с использованием всех изученных средств сравнения и сопоставления. Как видно из этого примера, постепенное раскрытие смыслового содержания грамматической темы служит основой системы ее описания и, следовательно, основой последовательности расположения грамматических заданий как в учебниках РКИ, так и в учебном процессе в целом.

Подведем итоги сказанному. Очевидно, что предложенный выше перечень и анализ факторов, учет которых влияет на эффективность использования в учебном процессе грамматических заданий, не представляет собой закрытого списка. Он нуждается и в дополнении, и в дальнейшей разработке. Составителям заданий и преподавателям-практикам нужно многое учесть, чтобы грамматическое задание как важнейший инструмент учебного процесса использовался с наибольшей эффективностью.

Литература

1. Всеволодова М.В. Язык и его место в мироздании. К вопросу об актуальной грамматике // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 6, 2010.
2. Добровольская В.В. Упражнение в системе обучения РКИ // Урок в системе обучения русскому языку как иностранному. М., 2015.
3. Добровольская В.В. Самостоятельная работа учащихся в системе преподавания русского языка как неродного // Урок в системе обучения русскому языку как иностранному. М., 2015.
4. Кульпина В.Г., Татаринов В.А. Сопоставление грамматических систем и практических конфигураций // Слово. Грамматика. Речь. Вып. XIX. М., 2018.
5. Тер-Минасова С.Г. Русский язык как иностранный в современной России. Что и как преподавать // Уроки русской словесности. Москва – Тула, 2017.
6. Хавронина С.А. К вопросу о самостоятельности учащихся и ее отражении в терминологии // Актуальные проблемы обучения русскому языку как иностранному и русскому языку как неродному. М., 2016.

GRAMMATICAL TASK: METHODOLOGY OF COMPILATION AND COMPLETION

V.V. Dobrovolskaya
Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, 119991, Moscow, Russia
E-mail: *rkinature@cs.msu.su*

The article deals with the problems of methods of compiling grammatical tasks at the prolonged stage of teaching Russian as a foreign language and using them in the educational process. The factors influencing efficiency on the use of grammatical tasks as the most important tool of educational process at removal of grammatical skills of pupils on operational level are analyzed.

Key words*: grammatical task, the working unit of the task, a meaningful composition tasks, the method of performing the tasks, task classification, the principles of blocking tasks.*

DOI: 10.18572/2687-0339-2020-1-47-50

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ДАВЫДОВА Т.Т. ЗАМЯТИНСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. М.: ФЛИНТА, 2018. 744 С.

С.И. Кормилов
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991, Москва, Россия
E-mail: *profkormilov@mail.ru*

Книга Татьяны Давыдовой – действительно энциклопедия. Проанализированы даже небольшие наброски произведений, хорошо изложена биография писателя, охарактеризованы его творческие принципы. Есть статьи о персонажах главных произведений.

Ключевые слова*: неореализм, антиутопия, цикл, сценарий, периоды.*

Персональные литературные энциклопедии – жанр уже не новый, но Т.Т. Давыдова привнесла в него оригинальные черты. Статьи «Замятинской энциклопедии» посвящены не только более или менее сложившимся (пусть и незаконченным) произведениям, но даже схемам несложившихся, наброскам как художественных, так и литературно-критических или публицистических текстов. Есть также теоретические статьи, без которых литературные факты невозможно объяснить, прежде всего относящиеся к творческим методам: «Модернизм», «Неореалистическое идейно-стилевое течение» да вдобавок к тому «Возникновение неореализма (“синтетизма”)» и «Замятин Е.И. – теоретик неореализма» (при отсутствии, однако, статьи о Замятине – критике вообще, который в работах о литературе и искусстве не только теоретизировал, – есть лишь статьи про отдельные его выступления: «О синтетизме», «Кинематографические параллели» и др.). Исследовательница не отождествляет неореализм, который Замятин называл также синтетизмом, и новый реализм начала XX в., который оставался обновленной «версией реалистического метода», в то время как неореализм стал постсимволистским модернистским течением 1910–1930-х годов, синтезировавшим «черты реализма и символизма при преобладании последних» (с. 141). Синтез бы- вал и более сложным. В статье о Л.Н. Андрееве говорится, что, «как и З., Андреев – модернист, тяготевший не к неореализму, а к экспрессионизму» (с. 42). И уж совсем сложно дело обстоит в статье «Модернизм»: «Черты импрессионизма, экспрессионизма и примитивизма присутствуют в «синтетическом» неореалистическом стиле в произв. ведущих неореалистов Ремизова, З., Шмелева, Пришвина, Сергеева-Ценского, Чапыгина, Шишкова, Тренева, А.Н. Толстого, Платонова и Булгакова» (с. 321). Замятинскую пьесу «Атилла» Т.Т. Давыдова может назвать и «романтической» (например, на с. 196), но она, безусловно, права в том, что если не для большинства, то для многих лучших прозаиков XX в. (а тем более поэтов, в том числе и позже 1930-х годов) «синтетические» художественные принципы более характерны, чем единообразные, «беспримесные». В статье о матери Замятина, дочери священника, еще и сказано: «Странники, богомольцы всегда посещали дом, и их разговоры, речь повлияли на стиль замятинской прозы» (с. 220).

Жанрам также уделено большое внимание. Имеются статьи «Повесть», «Рассказ», «Сказка», «Драматургия», «Сценарная драматургия» («Балетного либретто» нет, но наброски соответствующих произведений не обойдены); специально выделены «неоконченные рассказы» (записи сюжетов, конспекты), «блокноты», но не хватает, как и общей статьи «Критика», «Публицистики» и «Автобиографий». Отсутствие «Романа» объяснить можно. У Замятина три опыта в романном жанре, и все очень разные. Наброски романа о гражданской войне (1917–1930-е) так и остались набросками. «Скорее всего, произв. о гражд. войне задумывалось как авантюрный роман в новеллах. Каждая из многочисленных заготовок для него – зерно новеллы, основанной на необычном событии и перипетиях <…>» (с. 363). Неоконченный роман «Бич Божий» (об Атилле) – исторический, точнее, историософский. «Мы», «первый рус. роман-антиутопия, породивший целую ан-

тиутопическую традицию в лит. XX в.» (с. 328), характеризуется не только в статье с этим названием, но и в «Антиутопии» и статьях об отдельных персонажах этого произведения. «Антиутопию, – отмечает автор энциклопедии, – называют также кэкотопией, негативной, или перевернутой утопией, метаутопией, дистопией. По мнению Г. Морсона, дистопия разоблачает утопию, описывая результаты ее реализации, в отличие от других разновидностей антиутопии, разоблачающих саму возможность реализации утопии или ошибочность представлений ее проповедников <…>» (с. 50). Уже Замятин отмечал статичность сюжета утопического романа. «Антиутопия же, напротив, отличается динамичным действием» (с. 53). Эта и смежная информация, конечно, размыла бы единую словарную статью «Роман».

Совсем не похожи на словарные и энциклопедические статьи сопоставительные работы «Идейное и жанрово-стилевое своеобразие прозы Е.И. Замятина, И.С. Шмелева, М. Горького на тему религиозной веры и церкви», «Историческая тема в прозе и кинодраматургии Е.И. Замятина, А.П. Чапыгина и В.Я. Шишкова 1930-х гг.» при том, что каждому из упомянутых писателей посвящена отдельная статья, а у Шмелева еще таким же образом выделено одно произведение – повесть «Неупиваемая чаша», «проблематикой близкая рассказу З. “*Знамение*”» (с. 384). Дата «1930-е» округлена, Чапыгин прославился романом в орнаментальной прозе «Разин Степан» еще в 1920-е годы, Вяч. Шишков писал до 1945-го; вспомни- ла любительница сравнений и роман футуриста В.В. Каменского «Стенька Разин» (1915), впоследствии переработанный в поэму «Сердце народное – Стенька Разин». В киносценарии, заказанном французской фирмой (фильм снят не был: Замятину-сценаристу обычно не везло с постановками), подобно Каменскому «З. усилил поэтическую сторону образа загл. героя» (с. 253), сделал лейтмотивным мифологически-фольклорный образ воды. В сцене гибели очарованной песенным даром Степана персидской княжны лейтмотив, однако, работает против него. «Разин “бросил в воду” Зейнаб, и одновременно “перед дверями собора – дьякона бросают чучело Разина в костер. Чучело вспыхивает” <…>. С помощью мотивной композиции, основанной на ассоциациях, писатель показывает, что, убивая Зейнаб, Стенька губит свою душу. Так в сценарии З.-атеиста, как и в др. его произв., торжествуют христ. нравственные ценности» (с. 254). Сын и внук священников, начитавшийся Ницше, а потом и других вольнодумных философов, ставший революционером раньше, чем писателем, был в своем мировоззрении «отчасти близок В.В. Розанову, осуждавшему аскетизм, вдохновляемый христ. церковью» (с. 35), «вообще не принимал религию как форму идеологии и на протяжении всего своего творческого пути критически оценивал деятелей Церкви» (с. 36). Но после победы большевиков с их «единствен- но верной» идеологией поставил ее в тот же ряд.
«В автобиогр. 1922 г. З. признался (строки, вымаранные цензурой): “теперешних большевиков я не люблю, потому что не люблю никакую власть и никакую церковь. <…>”» (с. 699). Впрочем, в самой знаменитой его статье «Я боюсь» он боялся установившегося «нового католицизма», так как именно с католицизмом ассоциировалась инквизиция, а для Замятина метафора «еретик» (он же «бунтарь» или «отшельник») означала «органического» человека, способного жить естественной жизнью и не останавливаться в своем развитии.
«В послереволюц. период, 1917–1930-го гг., из- за ностальгии З. по прошлому России тема религ. веры воплощается в его творчестве позитивно в рассказах *«Сподручница грешных»* и *«Знамение»* (оба – 1918)» (с. 242).

В энциклопедии немало рассказывается и о знаменитостях, и о менее известных широкому читателю лицах и их произведениях, как и о произведениях самого Замятина, в том числе о его посмертных влияниях, например: «Несмотря на мировоззренческие расхождения двух писателей, влияние рассказа З. *“Наводнение”* ощутимо в пьесе Берберовой “Маленькая девочка” (1953–1961)» (с. 90). Различие литературных родов этому не помешало. В XX в. межродовая циклизация встречается нередко. У того же Замятина дилогию составляют трагедия «Атилла» (правильно было бы «Аттила», но автор предпочел писать так) и роман «Бич Божий». В статье о рассказе «Ловец человеков» (1918) как части «англ. трилогии» говорится: «Написан по впечатлениям от работы в Англии <…>, как и повесть *«Островитяне»*, трагикомедия *«Общество почетных звонарей»* и неопубл. сценарий *«Подземелье Гунтона»*.

Первоначально основа «Ловца человеков» должна была стать развязкой повести “Островитяне”» (с. 300). Называются и другие циклы, но обобщающей статьи «Цикл», пожалуй, тоже не хватает.

В эмиграции Замятин часто ради заработка писал сценарии, приспосабливая даже самую высокую классику к условиям тогдашнего кинематографа и вкусам западного зрителя. Так, в рассчитанном на Голливуд сценарии «Великая любовь Гойи» он «успешно использовал <…> традицию комедии плаща и шпаги, добившись тем самым авантюрности действия» (с. 136), в другом случае

создал пародийную «Дездемону»: «Сюжет сценария – комическая история постановки “Отелло” военными из кавалерийского полка, стоящего в провинциальном франц. городке. Главная героиня – жена полкового командира, поклонница театрального искусства» (с. 183). Отнюдь не в традиционном русском представлении дан главный герой сценария «Мазепа», весьма далекого от пушкинской «Полтавы». Автор «трактовал заговор Мазепы против России как патриотическое движение, целью к-рого была борьба за нац. независимость Украины, т. е. вернулся к концепции, заявленной К.Ф. Рылеевым в романтической поэме “Войнаровский” (1825)» (с. 257). Он прибег «к приему сюжетной инверсии», переставил «события в сюжетных линиях Мария Кочубей – Мазепа, Мария Кочубей – ее отец. Тем самым вме- сто трагических развязок этих сюжетных линий в поэме Пушкина у З. стал возможным happy end, необходимый для сценария, предназначавшегося для заруб. кино» (с. 258). В драме Горького «На дне» главными действующими лицами стали Барон и Васька Пепел, а Лука и Сатин – проходными персонажами. Замятин «знал, что атмосфера рус. “дна” была чужда широкому франц. кинематографическому зрителю» (с. 349). Фильм в постановке Ж. Ренуара с молодым Жаном Габэном в роли Пепла был признан лучшей французской лентой 1936 г. Собственный роман «Мы» Замятин превратил в мелодраматический сценарий «Д-503» без полифонии философских концепций. Все это автор энциклопедии фиксирует бесстрастно и в том же спокойном академичном тоне констатирует, что в статье «Будущее театра» (1931) прогнозы этого кинематографиста поневоле «относительно временного статуса звукового кино и “конца” сатирической комедии оказались ошибочными» (с. 126).

Ближе к завершению книги, перед обширной библиографией и указателем статей энциклопедии, Т.Т. Давыдова поместила «Летопись жизни и творчества Е.И. Замятина». Хорошо, что в ее начале подробно воспроизведены ранние детские впечатления будущего писателя, ценные сведения даются и дальше, но лучше бы эта летопись была поподробнее и располагалась в начале издания, чтобы читатель сразу усваивал главное, а затем детали. Чего уж точно книге недостает, так это статьи «Периоды творчества», которую могла бы заменить соответствующая справка во вступительной части. Читатель лишь из статьи о повести «Алатырь» (с. 29) узнает, что первый период замятинского творчества – это 1908–1916 гг., в статье «Блокноты» (с. 111) прочитает про границы второго (1917–1930) и третьего (1931–1937), «Житие Блохи» (с. 205) ему сообщит о приоритете во втором периоде иронического взгляда на мир. Статья «Ранняя проза» охватывает нулевой, что ли, период – «произв., написанные до создания первого замятинского рассказа *“Один”* (1907)» (с. 491). Второй период отдельной статьей представлен частично и чрезвычайно коротко («Концепция бытия в творчестве З. конца 1910–1920- х гг.», с. 282), только третий, «наиболее сложный для З. в житейском отношении и наименее продуктивный для его лит. творчества период» (с. 663), – более или менее целостно, статьей «Эмиграция (1931–1937)». Зачем о положительной роли тюрьмы и лебедянской ссылки для формирования мировоззрения писателя говорится дважды, правда, по-разному, – в статье о его жене (с. 218) и в «летописи» (с. 690)? Почему бы об этом не сказать в статье «Аресты»? А есть и буквальные повторения: цитата из письма С.М. Алянского к Р.В. Иванову-Разумнику о жестокой, пещерной жизни приводится на с. 27 и 39, просьба Замятина в письме к Сталину заменить ему «литературную смерть» в Советском Союзе менее суровым наказанием – разрешением вместе с женой «временно, хотя бы на один год, выехать за границу» (тогда, в 1931 г., это еще воспринималось как наказание!) – на с. 458 и 708, точный «адрес» могилы Замятиных в Париже (кладбище Тие, дивизион 21, линия 5, могила 36) назван трижды, на с. 219, 559 и 714, наверно, для забывчивых поклонников, чтобы знали, куда везти цветы.

Не всегда автор энциклопедии последователен. Про В.А. Каверина говорится: «наст. фамилия до 1930 г. Зильбер» (с. 264), а про то, что Андрей Платонов уродился Климентовым и Ахматова несколько раз меняла фамилию, не сказано; в указателе статей наименование Благодетель не помечено в скобках словом «Мы», как наименования других персонажей этого романа. Про слова князя из «Алатыря», приводимые на с. 34, слишком лихо говорится, что в них «многое напоминает образность “Стихов о Прекрасной Даме” А. Блока», и совсем неверно: «Не случайно здесь появляется и почти стихотворный ритм». Такой ритм – метризованную прозу – Замятин отнюдь не жаловал.

Но дареному коню зубы не смотрят. Да что зубы! Недостатки в этой энциклопедии даже слишком малочисленны и малозначительны для такого нужного, огромного и выполненного в одиночку труда.

BOOK REVIEW: DAVYDOVA T.T. ZAMYATIN ENCYCLOPEDIA. MOSCOW: FLINTA, 2018. 744 P.

S.I. Kormilov
Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, 119991, Moscow, Russia
E-mail:*profkormilov@mail.ru*

Tatiana Davydova's book is a real encyclopedia. Even small sketches of works are analyzed, the writer's biography is well laid out, his creative principles are characterized. There are articles about the characters of the main works.

Key words*: neorealism, dystopia, cycle, scenario, periods.*

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА ПРЕПОДАВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО»

С.А. Вишняков
Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1, 119991, Москва, Россия
E-mail: *sa.vishnyakov@mpgu.su*
Ю.Б. Мартыненко
Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1, 119991, Москва, Россия
E-mail: *yliam@yandex.ru*

15–16 февраля 2019 г. в МПГУ состоялась Международная научно-практическая конференция «Современная парадигма преподавания и изучения русского языка как иностранного», организованная кафедрой русского языка как иностранного в профессиональном обучении Института филологии МПГУ.

Мероприятие собрало ведущих специалистов в области преподавания русского языка как иностранного, преподавателей высших учебных заведений, аспирантов, магистрантов кафедр РКИ из различных городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, Курска, Липецка, Нижнего Новгорода, Иванова, Омска, Ярославля, Сочи, Краснодара, Ростова-на-Дону, Волгограда, Саратова), Франции, Китая, Вьетнама, Беларуси, Казахстана, Узбекистана (всего 150 участников).

С приветственным словом на пленарном заседании выступила директор Института филологии МПГУ, зав. кафедрой русской классической литературы, доктор филологических наук **Елена Геннадьевна Чернышева**.

На пленарном заседании, которое проводил **Сергей Андреевич Вешняков** – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой РКИ в профессиональном обучении, были представлены доклады доктора педагогических наук, профессора Алевтины Дмитриевны Дейкиной, доктора педагогических наук, профессора, зав. кафедрой довузовского обучения русского языка как иностранного Елизаветы Александровны Хамраевой, доктора педагогических наук, профессора Татьяны Анатольевны Болдовой.

На пленарном заседании и трех секционных обсуждались проблемы преподавания, изучения и усвоения русского языка как иностранного языка. В частности, рассматривались такие вопросы, как: современные подходы к организации образовательного процесса по РКИ; профессионально ориентированное обучение РКИ и иностранным языкам в современных условиях; влияние культурно-образовательной среды на процесс обучения иностранным языкам; формирование коммуникативной, лингвистической, социолингвистической и лингвокультуроведческой компетенций в процессе межъязыкового взаимодействия; реализация программ обучения иностранным языкам с применением дистанционных образовательных технологий и др.

В обсуждении докладов активно участвовали все присутствующие, в том числе аспиранты и магистранты.

Работу завершил круглый стол, на котором были подведены итоги конференции, высказаны слова благодарности и пожелания организаторам мероприятия, намечены перспективы работы по организации и проведению Международной научно-практической конференции в 2020 г. В следующем – 2020 году – должна состояться юбилейная Международная научно-практическая конференция, посвященная 55-летию кафедры РКИ в профессиональном обучении.

Международная научно-практическая конференция «Современная парадигма преподавания и изучения русского языка как иностранного» позволила объединить усилия ведущих деятелей науки, методистов и преподавателей в данной предметной области.

Организаторами мероприятия выступили преподаватели кафедры: доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой РКИ в профессиональном обучении С.А. Вишняков, кандидаты филологических наук, доценты Е.В. Макеева и Ю.Б. Мартыненко.

По итогам конференции издан сборник научных статей.

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТЕКСТ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ. АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ В ЦЕЛЯХ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО»

(28–30 НОЯБРЯ 2019)

Л. В. Красильникова
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,, Ленинские горы, 1,, 119991, Москва, Россия
E-mail: *likras@mail.ru*

Умение вести речевую деятельность на русском языке предполагает восприятие и порождение иностранными учащимися русскоязычного текста, поэтому текст как важнейшая коммуникативная единица является ядерным понятием при обучении русскому языку как иностранному и представляет особый интерес для обсуждения специалистами в области РКИ. Целями проведения данной конференции является рассмотрение ключевых проблем современной науки, связанных с изучением текста в аспекте преподавания русского языка как иностранного, а также с большим кругом лингвистических, лингвокультурологических и методических вопросов преподавания русского языка в иностранной аудитории.

28–30 ноября 2019 года на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась VII Международная научно-практическая конференция «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» (1996, 2001, 2004, 2007, 2011, 2015, 2019 гг.). Организаторами конференции выступили кафедра русского языка для иностранных учащихся филологического факультета и кафедра дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного. Председателем конференции является президент филологического факультета д. ф. н., проф. М.Л. Ремнева.

На пленарном заседании выступили ведущие специалисты в области преподавания русского языка как иностранного: А.Н. Бертякова, А.В. Величко, О.И. Глазунова, А.В. Голубева, Е.Н. Денисенко, В.В. Добровольская, В.С. Елистратов, Л.П. Клобукова, А.Г. Лилеева, Л. Шипелевич и др.

Секционные заседания были посвящены ряду актуальных направлений теоретических и прикладных исследований в области преподавания русского языка как иностранного.

1. Научный и деловой текст как единица обучения русскому языку как иностранному.
2. Медиатекст: лингводидактический потенциал.
3. Художественный текст в аспекте преподавания русского языка как иностранного.
4. Звучащий текст в практике обучения русскому языку как иностранному.
5. Образовательные стандарты, учебники по русскому языку как иностранному.
6. Функциональная грамматика и текст в аспекте преподавания русского языка как иностранного.
7. Дискурсивная функция лексики и словообразования: лингводидактический аспект.
8. Лингвокультурология и проблемы межкультурной коммуникации в аспекте обучения русскому языку как иностранному.
9. Проблемы перевода в преподавании русского языка как иностранного.
10. Проблемы тестирования по русскому языку как иностранному на современном этапе.
11. Лингвистическая текстология.

В ходе работы конференции прошел Круглый стол «Учебный литературный текст и учебный художественный фильм как объект и средство преподавания русского языка в иностранной аудитории».

Тезисы докладов были опубликованы в сборнике «Слово. Грамматика. Речь: Материалы VII Международной конференции «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного». Вып. XX. М: МАКС Пресс, 2019.

Опубликованные материалы предыдущих конференций:

1. Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного. Тезисы докладов I Международной научно-методической конференции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.
2. Материалы II Международной научно- практической конференции «Текст: Проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» // Международная научная конференция «Русский язык как иностранный: специфика описания, теория и практика преподавания в России и за рубежом». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.
3. Материалы III Международной научно- практической конференции «Текст: Проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного», М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
4. Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного. Материалы IV Международной научно- практической конференции. М.: МАКС Пресс, 2007.
5. Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как, иностранного. V Международная научно-практическая конференция, посвященная 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. Москва: МАКС Пресс, 2011.
6. VI Международная научно-практическая конференция «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» // Слово. Грамматика. Речь. Вып. XVI, 2015.

Кроме того, были опубликованы отчеты о следующих конференциях:

1. Красильникова Л.В., Одинцова И.В. и др. Отчет о работе Международной научно-методической конференции «Текст: проблемы и перспективы» // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. № 6, 1996. с. 203–205.
2. Красильникова Л.В., Ершова Л.В. Конференция «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. № 3, 2008. с. 185–193.
3. Рощектаева Т.Г., Красильникова Л.В. VI Международная научно-практическая конференция «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. № 4, 2016. с.233–240.

DOI: 10.18572/2687-0339-2020-1-54-56

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ПАВЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЛЕКАНТА - БОЛЬШОГО УЧЕНОГО И ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

Н.Б. Самсонов
Московский государственный областной университет, ул. Веры Волошиной, 24, 141014, Мытищи, Московская область, Россия
E-mail:

Некролог посвящен памяти Павла Александровича Леканта – заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, почетного профессора Московского государственного областного университета, вице-президента Международной академии наук педагогического образования, ответственного редактора серии «Русская филология» журнала «Вестник Московского государственного областного университета».

Ключевые слова: *Лекант Павел Александрович, русистика, русская грамматика, синтаксист.*

19 апреля 2019 года не стало выдающегося российского ученого-лингвиста Павла Александровича Леканта – заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, почетного профессора Московского государственного областного университета, вице-президента Международной академии наук педагогического образования, ответственного редактора серии «Русская филология» журнала «Вестник Московского государственного областного университета».

Павел Александрович Лекант родился 19 ноября 1932 года в деревне Калиновке Называевского района Омской области. Закончив с медалью среднюю школу, он поступил в Московский областной педагогический институт имени Н.К. Крупской (ныне Московский государственный областной университет), которому отдал всю жизнь. Закончив его с отличием, Павел Александрович вернулся сюда после двух лет работы по распределению в Бийском педагогическом институте и прошел путь от старшего преподавателя до профессора кафедры современного русского языка, был избран заведующим кафедрой и в течение 34 лет ею руководил; здесь он сформировался как талантливый преподаватель и крупный ученый-синтаксист.

Еще в студенческие годы Павел Александрович заинтересовался грамматическими идеями академика В.В. Виноградова, слушал, будучи аспирантом, его лекции, стал горячим сторонником и одним из самых верных и преданных последователей виноградовского учения о слове. Как высокую честь воспринял П.А. Лекант возможность публикации своей статьи «Развитие форм сказуемого» в сборнике «Мысли о современном русском языке», который вышел в 1969 году под редакцией В.В. Виноградова и каждую статью которого этот крупнейший отечественный языковед прочитал и одобрил.

Успешные защиты диссертаций, присуждение ученых степеней кандидата филологических наук в 1961 году и доктора филологических наук в 1972 году, публикации значимых научных работ сделали имя П.А. Леканта известным в лингвистическом профессиональном сообществе. Уже в его первых монографиях «Синтаксис просто- го предложения в современном русском языке» (1974 г., переиздана в 1986 и в 2004 гг.), «Типы и формы сказуемого в современном русском языке» (1976 г., переиздана в 2017 г.) прослеживаются характеристические черты лекантовского стиля и научного творчества в целом: краткость, доступность, верность русской лингвистической традиции, интерес к явлениям живой современной речи, любовь к художественному слову русской литературы. Не случайно издательство «Высшая школа» обратилось к Павлу Александровичу с предложением собрать и возглавить авторский коллектив, чтобы создать новый вузовский учебник «Современный русский литературный язык». Книга вышла в свет в 1982 году и в течение 25 лет была одним из основных учебников для студентов филологических специальностей всех педагогических вузов Советского Союза, а затем России и тех стран бывшего СССР, где продолжается подготовка учителей русского языка и литературы. Этот учебник переиздавался 6 раз, и его успех способствовал созданию еще двух вузовских учебников по современному русскому

языку под редакцией профессора П.А. Леканта, написанных другими составами авторского коллектива.

Таким же востребованным оказался изданный в соавторстве с Л.Л. Касаткиным и Е.В. Клобуковым «Краткий справочник по современному русскому языку» под редакцией П.А. Леканта (1991 г., переиздан в 1995, 2006 и в 2010 гг.), ставший настольной книгой для многих поколений студентов, аспирантов, школьных учителей-словесников, вузовских преподавателей.

Сущность и специфика грамматики, особенности структурно-семантического метода исследования, типология простого предложения, синтаксическая модальность и особенности ее проявления, состав современной системы частей речи, структура класса частиц, предикатив как часть речи, способы и формы выражения отрицания, аналитизм как важная тенденция развития грамматического строя русского языка, средства выражения экспрессивности и эмоциональности в языке писателей – эти и многие другие актуальные вопросы русистики были рассмотрены в научных статьях П.А. Леканта, отражающих глубокий, пытливый ум и неподдельную заинтересованность исследователя, стремление найти и объяснить причины того или иного лингвистического феномена, понимание многомерности, сложности устройства русского языка, который при этом таинственно прост, органичен и красив в речи мастеров слова, в устах всех носителей, относящихся к нему с любовью. Многие из этих статей объединены в сборниках П.А. Леканта «Очерки по грамматике русского языка» (2002 г.) и «Грамматические категории слова и предложения» (2007 г.).

Помимо удивительного языкового чутья и широкой эрудиции в самых разных областях знания, в том числе и не связанных с филологией (классическая музыка, народная песня, строительство, садоводство), Павел Александрович обладал необыкновенной памятью: он часто и с удовольствием читал наизусть стихотворные произведения А.С. Пушкина, С.А. Есенина, А.Т. Твардовского, а поэму «Демон» своего любимого поэта М.Ю. Лермонтова он знал на память от первой до последней строки.

Продолжительное время профессор П.А. Лекант руководил диссертационным советом по русскому языку и теории и методике обучения русскому языку при Московском государственном областном университете, был членом диссертационного совета при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносо- ва, где, кроме того, много лет подряд являлся председателем государственной аттестационной комиссии, принимал выпускные экзамены у студентов филологического факультета.

Павел Александрович Лекант – создатель одной из самых крупных в современной России научных школ грамматистов: под его руководством защищено 20 докторских и более 80 кандидатских диссертаций, многие его ученики стали известными лингвистами и преподают на кафедрах университетов Москвы, Екатеринбурга, Ярославля, Архангельска, Кирова, Ульяновска, Санкт-Петербурга, Пензы, Владимира, Самары, Рязани, Улан-Удэ, Калуги, Тамбова, Арзамаса, Белгорода, Брянска, Смоленска, Нижнего Новгорода и других городов. Ставшая традиционной для Московского государственного областного университета ежегодная международная научная конференция «Рациональное и эмоциональное в русском языке» собирает многочисленных единомышленников, среди которых с каждым годом всё больше учеников П.А. Леканта, они приезжают сюда не только из российских вузов, но и из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Прошло еще очень мало времени с того дня, когда мы простились с нашим дорогим Учителем, нашим великим другом и наставником, и боль утраты очень сильна. Утешением же мо- жет служить мысль о том, что мы, его ученики, имели счастье общения с этим замечательным, светлым человеком, что мы воспитаны его обра- зом мыслей, его заботой о нас, его великодушием и деликатностью, его добрым чувством юмора, его умением размышлять и писать, – и мы смо- жем передать нашим ученикам то, что составля- ет самое существо масштабной личности Павла Александровича Леканта – ученого и человека: его преданную, горячую любовь к русскому языку и его искреннее уважение к тем, кто служил и продолжает служить русистике.

IN THE MEMORY OF PAVEL ALEKSANDROVICH LEKANT – THE GREAT SCIENTIST AND REMARKABLE PERSON

N.B. Samsonov
Moscow Region State University, ul. Very Voloshinoi, 24, 141014, Mytischi, Moscow Region, Russia
E-mail: *nb.samsonov@mgou.ru*

The obituary is devoted to Pavel Aleksandrovich Lekant's memory – the Honored Worker of Science of the Russian Federation, Dr. Hab. in Philology, Emeritus professor of Moscow Region State University, the vice-president of the International academy of Sciences of pedagogical education, the executive editor of the Bulletin of the Moscow Region State University, Series: Russian philology.

Key words: *Lekant Pavel Aleksandrovich, Russian philology, Russian grammar, Russian syntax.*